

Свобода или смерть

Война в Украине и кризис беженцев

Июнь 2025

Оглавление

Введение	4
Часть I	7
Часть II	40
Часть III	62
О «неанархичности» украинского антиавторитарного движения	63
В Империи царит порядок	65
Солидарность не должна быть пустым звуком	69
О причинах движения, неподвижности и мнимых движений	72

Этот текст — перевод книги «Свобода или смерть», написанной польскими анархистами ещё в 2023 году. И хотя с момента публикации на польском прошло относительно много времени в контексте войны, многие вопросы и обсуждения остаются актуальными для анархического движения. Помимо этого в книге поднимаются и другие важные для региона вопросы: гуманитарный кризис на границе, трудности и проблемы в организации анархо-движения, критика внутренней и внешней политик ЕС, критика мирового империализма.

Хотим отметить, что мнение авторов не всегда совпадает с мнением нашего коллектива, а некоторые отдельные тезисы определённо заслуживают критики. Так, например, в разделе про гуманитарный кризис на белорусской границе, который все авторы называют “миграционным кризисом» несмотря на слова поддержки в сторону людей в дороге и критику антимигрантской политики ЕС, некоторые интервьюируемые то и дело говорят о кризисе как о каком-то плане лукашенковского режима по дестабилизации ЕС, что по сути ни чем не отличается от польской государственной пропаганды, которая рассматривает людей исключительно как оружие и товар. В Польше этот нарратив настолько глубоко укоренился в общественном сознании, что, судя по всему, в какой-то степени он так же отражается и на антиавторитарных активистах, которые несмотря на поддержку беженцев и критику мигрантофобной политики ЕС всё равно в той или иной мере воспринимают это явление как гибридную войну, а кто-то из авторов даже предлагает “другие формы давления на режим в Беларуси с целью его отказа от такой практики” как решение проблемы.

Текст не является полным ответом польского анархического движения как минимум из-за узкой выборки не только в географическом плане, но и в гендерном. Все участники диалога — мужчины, что исключает из повестки мнение большей части идентичностей и может создавать определённый нарратив, присущий конкретной доминирующей группе.

Тем не менее многие тезисы кажутся нам интересными для прочтения и понимания контекста, в котором вынуждено бороться анархическое движение не только Польши и Украины, но и всего восточно европейского региона.

Введение

Посвящается Чиа, Диме, Жвиру и всем анархистам и антифашистам, павшим в борьбе с рашизмом и Российской империей

Анархизм — это регулярная постановка вопросов. В противном случае эта идея разделила бы судьбу марксизма, который проповедовал знание всех ответов на все социологические вопросы и теоретические проблемы. Последствием такого подхода стала отмена социологии как учебного курса в польских университетах в сталинский период. Её должен был заменить марксизм-ленинизм.

Постоянно задавать вопросы — значит постоянно сталкивать свои убеждения и взгляды с окружающей реальностью. Отсутствие вопросов — это фальсификация или игнорирование этой реальности. Сужение собственного узкого кругозора, в котором живёт каждый человек.

Постоянное столкновение субъективных взглядов с реальностью — это постоянный поиск знаний (познания и понимания). Страх перед конфронтацией кажется инфантильным. Особенно когда речь идёт о событиях, касающихся нас: о продолжающейся с февраля 2022 года войне в Украине.

В моём сознании возникло множество вопросов, касающихся войны и реакции общества на неё, а также среды с близкими мне идеями анархизма и синдикализма. В то же время я не допускал позиции самосохранения, комфортной аполитичности, консервативного симметризма и пацифизма.

Я попытался ответить на вопросы, заданные самому себе, которые публикую ниже. Я также задал их другим людям, с которыми я работал над этой проблемой с февраля 2022 года, иногда вместе, иногда по отдельности. Это позволило мне проанализировать свои мысли с учетом опыта и наблюдений других людей.

Первая часть появилась в виде обширного текста под названием «Анархисты против войны на Востоке» в 54-м номере «Inny Świat» и была написана для журнала. Желая углубить тему, мы не закончили работу над ней, несмотря на то, что номер вышел в печать. Во второй части у каждого участника была возможность задать один вопрос другим. В процессе создания материала соавторы знакомились с ответами других, обменивались комментариями и исходными материалами по теме. Ранее опубликованный текст был дополнен, отредактирован, а некоторые сноски расширены. Третья часть состоит из оригинальных текстов участников проекта.

В публикации не описывается деятельность по поддержке украинского населения, в том числе товарищей и соратников, воюющих против рашистской армии, не рассматривается феномен дезертирства. Эти темы заслуживают отдельного текста, но достоверное их описание и анализ будут возможны только через некоторое время.

Анджей Клись

Появляется вопрос: как вести антивоенную пропаганду? Ответ очевиден: агитация должна сопровождаться обещанием прямого действия. Антимилитарист никогда не должен заниматься антимилитаристской агитацией, не дав себе торжественной клятвы, что в случае войны, несмотря на все усилия её предотвратить, он будет полностью поддерживать страну, завоеванную соседом, кем бы этот сосед ни был. Ведь если антимилитаристы

остаются простыми наблюдателями войны, они своим бездействием поддерживают захватчиков; они помогают им делать рабов из подчинённого населения; они помогают захватчикам стать ещё сильнее и стать ещё большим препятствием для социальной революции в будущем.

П. Кропоткин, «Антимилитаризм. Правильно ли он понят?», Свобода 1914, т. 28, № 307, с. 82-83.

Часть I

В 2017 году, в тексте «Когда „No pasaran!“ означает „Слава Украине!“»¹ авторка подняла вопрос дистанции между анархическим движением и длящейся уже два года войной на востоке Украины. В Польше также уже в 2015 году проявилась разница в отношении к атаке России на Украину. Наиболее многочисленны были те, кто решил дистанцироваться от войны, относя её к конфликту двух государств. Кто-то верил, что ДНР и ЛНР не имеют ничего общего с Кремлём. Другие формулировали свою позицию утверждением «лучше Москва, чем Брюссель». Но были и те, кто организовывал помощь и поддержку для жителей Украины. Изменилось ли, и если да, то в какую сторону, понимание войны в Украине анархическим движением с 2015 года? Популярно ли до сих пор дистанцироваться от войны и с чем связана такая позиция?

Анджей Клись: Дистанцирование от войны стало менее удобной позицией. Война не закончилась, она продолжается. В Польшу въехало 6 млн украинских беженцев. Более удобной стала антивоенная риторика и «забота об экономической безопасности рабочего класса». Позиция значительной части анархического и синдикалистского движения напоминает киссинджеровский «реалполитик», гарднеровский «великий компромисс» или «новый прагматизм» Г. Колодко. Все эти три понятия постулируют «мир любой ценой», который, согласно этому мнению, обязателен для обеспечения «экономической безопасности» империй, государств или целого земного шара.

Популярный среди анархистов и синдикалистов постулат «мир любой ценой» касаясь войны в Украине не оброс более глубокими публикациями анализирующими эту тему. По моим ощущениям, это результат некритического и нерелексивного принятия позиции западных левых, которые находятся в достаточно богатой части света.

В польском анархическом и синдикалистском движении любители Кремля и открытые сторонники ДНР и ЛНР — это, скорее, мизерное меньшинство, которое трудно назвать анархистами. Скорее беспокоит отсылка к взглядам Хола Гарднера, который связан с деятельностью Российского Совета по международным делам «некоммерческим аналитическим центром», созданным декретом тогдашнего президента Дмитрия Медведева, в президиуме которого заседает, помимо прочих, Дмитрий Песков.²

¹ Аделина Адамкевич, Когда No Pasaran! Означает Слава Украине!, «A-tak» 2017, № 5, с. 9, <http://www.akcja.type.pl/wp-content/uploads/2014/12/A-tak-nr-5.pdf>, [доступ 06.03.2023], или, <https://fakrakow.wordpress.com/2017/07/29/gdy-no-pasaran-znaczy-slawa-ukrajini/>, FEDERATION ANARCHISTIC KRAKÓW, [доступ 06.03.2023].

² Ср. Ярослав Урбанский, Новое десятилетие войн, «A-tak» 2023, № 17, с. 12, <https://www.rozbrat.org/publicystyka/walka-klas/4833-nowa-dekada-wojen>, Rozbrat, [доступ 06.03.2023]. Цитируемые им в этом тексте слова Холла Гарднера опубликованы, в частности, на сайте Российского совета по международным делам — российского некоммерческого аналитического центра академического и дипломатического профиля, созданного по указу президента Дмитрия Медведева, в президиум совета которого входит Дмитрий Песков.

Н. Гарднер, Крым: когда и если пыль оседет, https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/crimea-when-and-if-the-dust-settles/?sphrase_id=97573313, 11.04.2014, РИАЦ, [доступ 06.03.2023].

Определённо растёт и группа анархистов, включённых в помощь сражающейся Украине. Регулярно отправляются гуманитарные грузы гражданскому населению, а также помощь анархистам и антифашистам, борющимся на фронте против рашистской армии.

Spielverderber: Текст Аделины датирован 2017 годом, а Ярека 2023, между ними ещё ряд текстов, постов. Сложно при такой «динамике дискуссии» говорить о какой-либо эволюции позиций, изменении или хотя бы формировании позиций. Польское анархическое движение давно страдает от отсутствия внутренней дискуссии, которая бы породила какую-то общую резолюцию, с которой можно было бы обратиться к внешней аудитории, или хотя бы какой-то промежуточный протокол, иллюстрирующий существующие позиции по спорным вопросам. Доминирует политика заявлений, которые не рождаются в результате внутренних дискуссий в движении, а появляются где-то на его окраинах, а иногда и вовсе вне движения. В таких заявлениях есть лишь три опции на выбор: подпиши, поддержав полное содержание, отклони целиком или — самая популярная — проигнорируй, не заметь, забудь. Предложение, начинающее статью Аделины: «В Польше несомненно не хватает серьёзной, экспертной дискуссии...» — не только правдиво, но и по-прежнему актуально в отношении движения. До сих пор заметна позиция избегания сложных тем и удобной неопределённости, ибо «факты отклоняются от схемы, удобоваримой для западного активиста, и ставят дилеммы, которые невозможно исчерпывающе объяснить с помощью теории классовой борьбы». Движение не соответствует даже само себе в вопросах геополитики, мирового баланса сил, выдавая желаемое за действительное в виде фантазий об отрядах анархистов, сражающихся как против России, так и против Украины. Встаёт вопрос: откуда такие образования могли бы появиться? Может, те, кто ждёт «настоящей революции», создадут хотя бы их основы? Как вообще это возможно сделать в ситуации, где даже предложение обучиться навыкам, связанным с тактической медициной, сталкивается с обвинениями в милитаризме и насильственности?

Очередное разделяющее движение понятие — это антифашизм, относящийся к войне в Украине, и игнорирование того, что на востоке Европы антифашистами называют себя почти все по обе стороны данного конфликта, в то время как фашистами они называют своих противников, что делает это понятие размытым до неадекватности. Можно также наблюдать интерпретацию фашизма через призму символики и истории, а не фактических действий на практике, что делает лёгким изменение фокуса. Старая поговорка гласит, что на войне первая жертва — это правда. Поэтому в таких случаях лучше проверять информацию в нескольких источниках, помня при этом, что, являясь частью западного мира, мы находимся в натовском информационном пузыре, в то время как множество «независимых» источников служат российской пропаганде. Соответственно, нам будет всё сложнее прийти к согласию как касаясь правдоподобности поданных фактов, так и касаясь их интерпретации.

Н.Гарднер, Разорвать цикл взаимных обвинений, <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/breaking-the-cycle-of-mutual-imprecations/>, 08.04.2013, РИАН, [доступ 06.03.2023].

<https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/breaking-the-cycle-of-mutual-imprecations/> [доступ 06.03.2023].

Что касается взглядов и позиций по отношению к войне в Украине, то субъективно я разделил их следующим образом:

- Пассивность. Наиболее частая позиция, иногда декларируемая как нейтралитет, «ожидание настоящей революции», скрытый оппортунизм.
- Пацифизм/антимилитаризм. Как постоянный, искренний и последовательный, так и избирательный, принимающий аргументы российской «мягкой силы».
- Прагматизм. Холодный расчёт и ожидание возможной пользы для себя.
- Переадресация на иное поле деятельности. «Лучше заниматься... (впиши сферу деятельности)»
- Игнорирование фактов. «ДНР и ЛНР не имеют ничего общего с Кремлём».
- Позиция пророссийская, русофилы. «Лучше Москва, чем Брюссель», «отечество пролетариата», «гарантия геополитического равновесия против однополярного мира», позиция мотивирована историческими предубеждениями против украинцев.
- Позиция проукраинская, от декларирующих помощь исключительно беженцам от войны до не критично поддерживающих любые действия правительства Украины. Также включает мнения мотивированные русофобией.

Александр Ланевский: Начну с того, что не было, нет и, вероятно, не будет единой позиции анархистов по вопросу войны в Украине, даже в таком малочисленном и маргинализованном анархическом движении, как польское. Мне трудно высказаться от имени целого движения, поэтому попробую ответить как анархист, пребывающий на границе польского анархизма и движения в БУРе (Беларусь-Украина-Россия). То есть, это будет восточноевропейская перспектива, которая может проиллюстрировать динамику взглядов некоторой части анархистов этого региона Европы.

Честно говоря, прежде всего изменилось моё видение войны в Украине, или, может, не само видение войны, которая была, есть и останется для меня явлением ужасным, тотальной противоположностью гуманизму. Скорее, изменилась та дистанция, о которой твой вопрос. В далёком 2014 году я наивно считал — кстати, был это взгляд достаточно распространённый внутри движения — что анархисты не должны участвовать в военных действиях на востоке Украины. Поскольку это не наша война, а война между государствами. Если кто-то хочет сражаться, то пускай сражается внутри Украины, России и т.д. Пусть украинское государство обороняют многочисленные представители националистического движения (кстати, многие из них действительно это делали, но, дело ясное, не все, поскольку на протяжении всех этих лет случались нападения неонацистов на феминисток, анархистов и т.д.). Мне казалось, что анархисты, которые едут сражаться, непоследовательны в своих взглядах, в то время как националисты, делающие то же самое, вполне последовательны. И кроме того, что я терпимо относился к выбору некоторых анархистов и анархисток, сражавшихся в рядах ВСУ (Вооружённые Силы Украины) в целях добычи опыта вооружённой борьбы, и симпатизировал Украине, с которой у меня

тесные дружеско-родственные связи (регулярно посещая эту страну до февраля 2022), признаюсь, что не понимал угроз, которые принесли события Евромайдана. Скажу больше, в первой фазе «Революции достоинства» я был противником участия в ней анархистов³. Только с развитием событий, а также после моего визита в Киев на рубеже 2013/2014 гг., я осознал потенциал и характер тех процессов. Повторюсь, хоть и говорю от своего имени, но знаю, что подобным образом ситуацию рассматривали многие. Определённое влияние на мою, скажем, радикализацию оказали разговоры с некоторыми белорусскими товарищами (в данный момент они отбывают многолетние сроки в лукашенковских тюрьмах), с которыми я познакомился уже после аннексии Крыма и создания квазинародных республик.

Переходя к событиям 2022 года – ситуация определённо изменилась. Может, это прозвучит банально, но речь идёт о степени проблемы. 24 февраля началась настоящая война, не где-то на востоке или в Крыму (где, что немаловажно, общественные настроения 10 лет назад были очень пророссийские). Мы стали свидетелями российского вторжения с территории Беларуси, уличных сражений в Киеве, геноцида в Буче, бомбардировок Одессы, Херсона, Николаева, героической обороны «Азовстали» в Мариуполе... Примеры можно продолжать. Это более не касалось лишь зоны антитеррористической операции в Украине (позднее – зоны операции объединённых сил), но целой страны. Война стала чем-то весьма ощутимым. Это было шоком для нас всех, анафилактическим шоком, как от яда насекомого. Мы убегали от войны, но она начала наступать нам на пятки. Дистанция до войны уменьшилась многократно.

Ещё один аспект: на протяжении этого десятилетия так называемые народные республики полностью доказали, чем являются на самом деле. Упрощая, назвал бы их протофашистскими сателлитами Кремля. Никакого трудового права, никакого экономического благополучия, не говоря уже о фундаментальных правах и свободах человека. Кремль вторгся в Украину, предлагая её жителям возврат в лоно «родительской» России. Это предложение – не что иное, как убийство (равно как в экономическом и политическом смыслах, так и культурном). То же самое в Крыму – Россия, по-хорошему, ничего ему не дала (в то же время я понимаю, что и Киев не давал этим регионам того, чего они ожидали, и частично сам был виновен в возникновении сепаратистских настроений). В отличие от Украины, где, несмотря на множество нерешённых политических, экономических и социальных проблем, Майдан подтолкнул к эпохальному шагу вперёд в построении гражданского общества и дал шанс украинцам вырваться из оков постсоветского империализма, установленного Кремлём на просторах Восточной Европы после распада СССР. Более того, считаю, что Евромайдан был первой серьёзной попыткой, экзаменом зрелости. Этот экзамен общество сдало, скажем, на 3. Но, как известно, 3 – это уже «зачтено». Появился шанс на построение новой Украины, а если речь об анархическом движении – появилось пространство для разнообразных действий, в том числе для городской

³ См. А. Ланевский, «Мир хатам, війна палацам!» Украинские анархисты о теории и практике Евромайдана, «Ежегодник Института Центральной и Восточной Европы» 2022, № 20, з. 3, с. 237-259, https://ies.lublin.pl/wp-content/uploads/2022/11/riesw_2022-03-11.pdf [доступ 30.03.2023].

герильи⁴. Если бы не те протесты, Украина год спустя оказалась бы оккупирована целиком и подчинена России молниеносно, так, как этого хотела Москва.

С перспективы времени легче оценивать произошедшее, поскольку на протяжении минувшего десятилетия имели место несколько важных событий. Я имею в виду неоконченную белорусскую революцию в 2020 году и роль России в подавлении протестов. Жаль, что Украина не заметила этого раньше, либо не хотела замечать и так же, как и Запад, заигрывала с Лукашенко. Сейчас уже несомненно, что российские танки пошли бы в белорусские города, если бы ситуация вышла из-под контроля властей. Но дело не пошло дальше приехавших пропагандистов и финансовой помощи со стороны Кремля, а также очередной дозы утраты независимости со стороны Минска. Что сейчас происходит в Беларуси, мы все прекрасно знаем. Эта страна стала частью огромной имперской машины во главе с Кремлём, распространяющей репрессивные практики. Сражающиеся на стороне Украины анархисты прежде всего сопротивляются экспансии этих нечеловеческих практик на запад.

Настал черёд последней ремарки, которая мне кажется важной. Имею в виду внутреннюю ситуацию в России, то есть всё возрастающие и усиливающиеся авторитарные тенденции. Москва возвращается во времена советского, понятное дело, немного актуализированного, тоталитаризма, проявляющегося как в диктатуре внутри страны, так и в распространении империализма вовне. И анархическое движение, например, в Украине, Беларуси, Чехии видит эту угрозу. Хотелось бы верить, что и Польша не исключение.

Подводя итог, анализируя ситуацию на оккупированных территориях Украины и последствия «внешней политики» России в последние годы, а также рассматривая потенциальные сценарии в случае победы России в войне, анархисты в большей мере заняли проукраинское положение. Хотя совершенно не нужно быть анархистом, чтобы понять, что такое будущее будет антиутопией. У меня нет в этом никаких сомнений. Мы не можем этого допустить.

Maciej wy: С моей перспективы, я не наблюдаю, что так называемое «анархическое движение» заняло какую-то понятную позицию, но и контекст происходящего, похоже, слишком широк для того, чтобы такую позицию занять. Многие люди могут помнить, что после 2014 года постили у себя в соцсетях личности, связанные ещё недавно с анархическим движением: восхищение народным характером тех новых республик, окрашенное российскими революционными картинками или песнями. И это для меня было достаточно шокирующим, поскольку низовые корни в этих новых государственных структурах, по моему мнению, были большой иллюзией. С другой стороны, почти ни у кого не было иллюзий, что Украина – это прекрасная страна. Все видели выродившуюся олигархию, коррупцию правительства, едва обращавшие внимание на социальные потребности и проблемы. Если бы мы, однако, присмотрелись внимательнее, возможно, уже несколько лет назад заметили бы, что на территории Украины создаются российский и НАТОвский полигоны.

Начало войны создало практически неотложную потребность помощи антиавторитарной среде и их родственникам в рамках обеспечения их безопасности – ведь

⁴ Например, Анархо-повстанчество в БУРе 2018, январь 2021, <https://a2day.org/anarho-povstanchestvo-v-bure-2018>, АНАРХИЯ СЕГОДНЯ, [доступ 30.03.2023].

никто не знал, что сделают украинские власти с антиправительственными группами, которые начали вооружаться, чтобы остановить вторжение; никто также не знал, что сделали бы с ними российские оккупационные власти, если бы им удалось захватить страну. Со временем группы обеспечения безопасности сконцентрировались на доставках тактических или медицинских материалов и оборудования – чтобы оставшиеся смогли выжить. И чтобы оставались в оппозиции сильному и хорошо оснащённому национализму. В этой акции помощи никто, наверное, не думал о том, что они выручают или поддерживают косвенно украинское правительство. Если бы это было возможно, точно также поддерживали бы и российских или белорусских анархо-партизан. Трудно дистанцироваться от войны, хотя всё время нужно внимательно следить за военной и изоляционистской политикой нашего правительства, Европы, а также за всё возрастающим политическим влиянием НАТО.

Леон: Анархическое движение в Польше, прежде всего, может винить себя за годы пренебрежения контактами с украинским освободительным и левым движением. Кроме персональных контактов между людьми, связанными с контркультурой, структурное взаимодействие практически отсутствовало. Внутри Украины до момента событий 2014 года освободительное движение было также очень сильно раздроблено и поэтому относительно слабо. Евромайдан заново активизировал и частично укрепил анархические группы, примером чего может быть АСТ (Автономный союз трудящихся), организовывающий группы поддержки в Киеве и Харькове (АСТ занял в Харькове государственное здание, создав в нём автономный социальный центр и приют для переселённых беженцев с Донбасса). Анархисты и антифашисты, связанные, помимо прочего, с футбольным клубом «Арсенал Киев», активно участвовали в противостоянии полиции и правительственным силам, а позже присоединились к территориальной самообороне, чтобы защищать население от атак российских наёмников и пророссийской милиции. В первом номере журнала «Alerta» опубликовано интервью с одним из украинских антифашистов, который сражался по востоке Украины против российской агрессии. В этом интервью затронуто много интересных вопросов на тему вовлечения человека из анархической среды в вооружённый конфликт. К сожалению, на тот момент всё ещё не хватало информации из Украины.

Анархисты в Украине перед лицом вооружённого конфликта смогли понять, что всё общество Украины может быть втянуто в этот конфликт. Также они отметили какая угроза может исходить от того, что крайне правые и нацисты, обучаясь, добывая оружие и опыт, становятся способными формировать политическую действительность. После аннексии Крыма и захвата восточных территорий российским режимом, анархисты начали обучаться в лагерях тактике и вооружённой борьбе, проводя также акции прямого действия и атаки, помимо прочего, на мобильные вышки связи в Донецке.

Анархисты, как и левые или либералы, проспали империалистическую агрессию России в 2014 году. В то время как либеральные европейские элиты не хотели дразнить «российского медведя» и вместе со словами «критики и осуждения» продолжали строить отношения с путинским режимом, западные левые восторгались российской пропагандой о «левых народных республиках» и ордах украинских националистов, которые только и ждут возможности убивать россиян. «Антифашизмом» так называемых народных республик можно было надурить только твердолобых

коммунистов из Западной Европы, и то в большей степени благодаря двухлетней пропагандистской и агентурной деятельности России в этих странах, её влиянию на политические организации и сокрытие истинного лица российского государства. Искажение реальности достигло такой степени, что настоящие события в так называемых «народных республиках» – убийства, пытки, уничтожение права и военные хунты – были полностью проигнорированы в пользу мифов о «народном правительстве».

Несмотря на отсутствие коммуникации с украинским движением и глубокого анализа российской агрессии в 2014 году, на данный момент мы имеем совершенно иную ситуацию. Восприятие войны полностью изменилось в день начала вторжения в Украину 24 февраля 2022, по крайней мере, среди части анархистов в Польше и некоторых других странах Европы. Брутальное, имперское вторжение в украинское общество, убийства, насилие и миллионы беженцев поразили меня и, наверное, многих из нас, поэтому реакция должна была быть быстрой и определённой. Естественным стремлением для нас, анархистов, живущих недалеко от границы, стало организовать настолько, чтобы приносить реальную помощь в первые дни войны для сотен тысяч беженцев, убегающих в те холодные дни. Группы «Анархического чёрного креста – Галиция» из Жешува и Кракова организовались на быстрое совместное собрание, чтобы как можно скорее предпринять какие-то шаги, подготовиться к той трагической ситуации и начать действия с целью логистической и гуманитарной поддержки. Также решено было как можно скорее наладить контакты с анархистами в Украине и обеспечить им и их родителями необходимую помощь. Помощь эта также должна была носить (и носит до сих пор) околовоеенный характер для всех анархист:ок, антифашист:ок и левых, которые решились на участие и вооружённой борьбе против захватчиков. Для нашей группы невообразимо сидеть на месте или дистанцироваться перед лицом кровавой авторитарной угрозы, олигархической диктатуры в каком-либо обществе, поэтому, воплощая в жизнь идеи взаимопомощи и самоорганизации, мы решили действовать. Множество анархистских групп в Польше и в мире также наладили с нами контакты в целях поддержки и координации наших действий. К сожалению, нашлись и организации либо отдельные личности, главным образом из стран Западной Европы, для которых мы в лучшем случае «разжигатели войны», а в худшем — «агенты ЦРУ» ☒

В 2014 году Россия совершает аннексию Крыма. Крымский анархист, Александр Кольченко, во время оглашения приговора российским судом в 2020 году, поёт на скамье подсудимых гимн Украины. «Я анархист, и я беларус» — вырывается из уст участника протестов в Беларуси. Национальная идентичность в «Западной Европе» приравнивается даже не столько к национализму, как к фашизму. Такое понимание выглядит также доминирующим/распространённым в польской анархической среде. Можно ли определять национальную идентичность без связи с фашизмом? Существует ли такое определение нации, которое тебе подходит? Может ли анархист обладать национальной идентичностью?

Анджей Клись: Определение своей культурной идентичности происходило у меня естественным образом. В то же время я не чувствовал национальной идентичности, которая некоторое время была для меня не только непонятна, но и абстрактна.

Когда меня спросили, горд ли я, что живу в стране, в которой произошло крупнейшее восстание против фашистской оккупации, я пояснил:

«Борьба с фашизмом, несомненно, похвальна, однако я этой национальной гордости не чувствую, поскольку отождествляю себя не с Польшей как страной, а, скорее, с пограничным регионом, в котором сосуществовало множество разных наций, этнических групп и религиозных конфессий и традиций. Свою идентичность я определял через место, где живу, его жителей и свою большую семью, в которой исповедовали разные религии, мировоззрения и обладали разными паспортами, в том числе нансеновскими».

Поразмыслив, мой собеседник ответил, что понимает мой подход к идентичности и, что важно, принял его обоснование как естественное. Ранее он не мог понять отсутствие чувства национальной идентичности. Тогда и я понял, что культурная идентичность может быть и национальной идентичностью. Хотя и не в моём случае.

Тогда если можно определить национальную идентичность как культурную идентичность, то я могу принять чувство национальной идентичности среди анархистов. Национальная идентичность, относящаяся к чувству связи с окружающей культурой, не означает связи с фашизмом.

Spielverderber: Форсирование тезиса о том, что «национальная идентичность равна национализму» и даже фашизму является одной из причин постепенной маргинализации движения, а заодно более банального понимания фашизма. Слишком часто взгляды традиционные, консервативные, критичные либо задающие «прогрессивным активистам» вопросы определяются как фашизм. Одновременно, чувствительные к такому фашизму не замечают авторитарных и квазифашистских методов действий или способов принятия решений в собственном окружении.

Я считаю, что анархист может иметь (однако не обязан) национальную идентичность, а также этническую, региональную, культурную, как и многие иные. Проблема не в наличии этих идентичностей, а лишь в чрезмерной их экспансии и попытке распространения их на окружение, а также борьбе и агрессии против идентичности других. Достаточно сдерживать желание экспансии собственной идентичности в сфере языка, культуры, территории...

Александр Ланевский: Это хороший и важный вопрос. Начнём с конца: да, анархист может обладать национальной идентичностью, но не обязан. Повторю слова, сказанные мной почти 10 лет назад: «Не каждый анархист мой друг, не каждый националист мой враг». Эти ярлыки и метки достаточно условны. Всё же важно не столько то, как мы определяем себя сами или что говорят о нас другие, сколько то, что мы делаем. Важны поступки в отношении других людей, окружающего нас мира и даже в отношении себя.

Попробуем поразмышлять. Я исхожу из предположения, что существует множество идентичностей: классовых, профессиональных, культурных, политических... Какая разница между идентичностями? Для меня никакой, если она не навязана, но появилась естественно, самостоятельно. Если кто-то ассоциирует себя с анархизмом, феминизмом, субкультурой либо определённым гендером, то это окей? А если кто-то говорит, что является европейцем, поляком, курдом, то уже не окей? Когда-то давно на конференции в Прямухино (на малой Родине Михаила Бакунина) прочёл

реферат на тему «Места памяти анархистов. Приглашение к дискуссии»⁵, и один из российских анархистов обвинил меня в стремлении к навязыванию анархистам метки «идентичности». Мол зачем нам идентичности, задача анархизма в их демонстрации, а не конструировании новых. Идентичности приводят к разрыву в тактике и стратегии, то есть к очередным расколам и т.д. Миную более глубокие рассуждения на эту тему, скажу лишь, что я обратил внимание на тему редко обсуждаемую в движении, а также задал вопрос: существует ли какая-то, а скорее, какие-то идентичности анархические? На чём они основаны, как выстраиваются и к чему нас приводит?

Во время протестов в Беларуси в 2020 году я был свидетелем одной дискуссии, во время которой один из анархистов высказался на тему национального флага Беларуси, который стал одним из символов революции. Он заявил, что никогда не сражался за эти цвета и т.д., но сейчас смотрит на это знамя как на флаг Рожавы, как на символ сопротивления диктатуре. Известный большинству польских анархистов Игорь Олиневич одну из своих записей того периода закончил словами «Жыве Беларусь!»⁶. Другой белорусский анархист, ветеран движения, Александр Козлянюк, своё последнее слово в суде завершил выкриком «Слава Украине и Жыве Беларусь!»⁷. Ни одного ни второго я никогда бы не заподозрил хоть в минимальных симпатиях к национализму. Это идейные и искренние в своих взглядах анархисты.

Возвращаясь к речи Кольченко – в своё время на эту тему много дискутировали в БУРе. Признаюсь, что я был среди тех, кто раскритиковал его слова. Это не мешало мне проявлять с ним солидарность. В конце концов, я не знаю, не эволюционировали ли его взгляды сейчас в немного менее радикальном и более левацком направлении. Знаю, что сейчас он сражается в рядах ВСУ. С течением времени, особенно во время белорусской революции, я скорректировал свои взгляды, осознав, что эти якобы принадлежащие националистам лозунги, на самом деле являются социальными лозунгами. Они принадлежат каждому, кто сражается против диктатуры и оккупации, являются символом бунтующего общества. Правые в Беларуси и Украине утратили монополию на их использование. Кстати, в Беларуси одновременно популярным лозунгом, как и запрещёнными национальными символами на протяжении многих лет пользовались и либералы, и социал-демократы. Важен «ситуативный контекст».

Если белорусский язык является языком протестов – это замечательно. Но если на этом языке начнёт разговаривать КГБ, если под бело-красно-белым флагом ОМОН будет пытаться граждан, (а такая вероятность существует), тогда анархисты должны напомнить всем этим «патриотам», что они сами за это сражались. За символ, а не за построенную на экономическом равенстве и прямой демократии новую Беларусь. Чем больше анархистов будет пользоваться полным спектром национальных знаков и символов, тем сложнее националистам будет разыгрывать карту шовинизма.

⁵ А. Ланевский, Места памяти анархистов, [в:] Анархизм: От теории к движению, от движения к обществу (Прямухинские чтения — 2012., с. Прямухино, 14-15 июля 2012 г.), ред. С.Г. Корнилов, А.М. Корнилова, П.В. Рябов, И.С. Сидоров, С.И. Сидоров, Москва, 2013, с. 26-55, Обсуждение докладов, там же, с. 73-119, https://www.academia.edu/32425403/32425403/Места_памяти_анархистов, ACADEMIA.EDU, [доступ 30.03.2023].

⁶ И. Олиневич, Белорусская революция, <https://www.youtube.com/watch?v=gBU-E8Ro8N8>, 09.09.2020, YouTube, [доступ 30.03.2023].

⁷ Революционное действие: приговор несломленным, <https://a2day.org/revolyuczionnoe-dejstvie-prigovor-neslomlennym/>, 06.09.2022, АНАРХИЯ СЕГОДНЯ, [доступ 30.03.2023].

Естественно, анархические «мифы» нельзя построить на символах, которые непосредственно относятся к государственности, как, например, День Воли (отмечаемый оппонентами Лукашенко 25 марта). Я знаю, что некоторые анархисты считают этот день «праздником» и мечтают о наполнении его освободительным смыслом. Однако, это символ строго государственный – дата объявления Беларусской Народной Республики. Не думаю, что либертарное движение когда-то сможет отвоевать себе хоть частичку этого праздника. Считаю, что настоящий День, даже Дни Воли ещё впереди.

Но иначе выглядит дело с языком. Польским анархистам трудно понять, что большинство беларусских товарищей (а когда-то и украинских), разговаривают преимущественно по-русски. Когда-то, когда кто-то в движении признавался в «беларусскости» в широком смысле, он мог столкнуться с критикой. Сейчас ситуация изменилась. Означает ли это, что если кто-то разговаривает в Украине или Беларуси по-русски, то он хуже? Ясное дело, что нет. Тем более, что русский язык не принадлежит только и исключительно русским, хотя они стремятся так думать. То, что мы знаем этот язык, а они не знают наших, я считаю нашим преимуществом. Таким образом, в случае Беларуси или Украины эти «национальные» тенденции в антиавторитарном движении следует рассматривать как освободительные явления.

Контактируя с польской анархической средой на протяжении многих лет, я постоянно слышал, что являюсь беларусом. Постоянно это подчёркивалось. То есть эти все декларации интернационализма часто в движении сводятся лишь к теории. Как раз мне очень легко с этим, поскольку я не имею какой-то единой национальной идентичности, ощущаю себя этакой помесью. Я родился в Беларуси, но мой отец по происхождению поляк, причём лучшего всего я владею русским языком и был среди последнего поколения, которое ходило в советскую школу. С дочерью я стараюсь разговаривать на трёх языках, а читаю ей на пяти. Для меня стираются границы между БУРом и Польшей. Но я отдаю себе отчёт, что многим людям из движения это достаточно трудно осознать. Я человек пограничья нескольких культур и национальностей и ощущаю себя в этом замечательно. Я привит от национализма.

Одновременно считаю, что следует противостоять империализму и колониализму, стоит защищать умирающие языки и малые народности в контексте культурного разнообразия, поддерживать проявления их низовой борьбы и самоорганизации, а также сомнения некоторых из них в правильности патриархальных укладов... Только такая борьба не должна выходить на передний план. Нет вечных языков, как и нет вечных наций. Это практики и процессы, которые появляются и исчезают. Это группы, которые постоянно воссоздают и интерпретируют символы, мифы, традиции и ценности. Мне кажется, что в этом контексте важна идентификация с элементами широко понимаемой культуры, но не слепое подчинение государственным или религиозным канонам, часто отсталым и лицемерным.

Нация может быть понята как гражданское общество. Не соглашусь, что на Западе национальная идентичность ассоциируется с фашизмом или национализмом. Нет, скорее, это приравнивание к современным нациям, республиканской традиции, идее гражданства. Разве немецкие или греческие анархисты отрицают факт и стыдятся того, что происходят из страны, где процветал нацизм или правила Хунта чёрных полковников? Язык, культура, политические традиции – необычайно важные факто-

ры, формирующие нашу идентичность. Не только экономический детерминизм, как говорил Маркс, но и быт в самом широком смысле этого слова. Хотим мы того или нет.

Если мы всмотримся в пёструю историю анархизма, то найдём множество случаев заигрывания анархистов с национальным вопросом, взаимное проникновение. От Ирландии до Кореи, от идиш-анархизма до Махновщины. В зависимости от позиции общества или политических взглядов понятие «нации» может обретать разные дефиниции. Важно отдавать себе отчёт, что это не постоянное понятие, а, скорее, изменчивое, поддающееся корректировке в зависимости от множества факторов. Нации – это не данность раз и навсегда, чего не хотят замечать националисты. Но так или иначе они являются одной из форм сообщества.

Знаю, что для многих это норма, но не считаю и не хотел бы, чтобы нация сводилась к сущности государства (согласно Максу Веберу). Мне неизвестно идеальное понятие нации, возможно, в современной социологии я смог бы найти нечто такое, но я не социолог. Не полностью разделяю, но ближе всего мне утверждение, что нация – это, скорее, культурное явление, т.н. опыт совокупности некоторых культурных ценностей (о чём писал, например, один из основоположников польской гуманистической социологии Флориан Знанецкий или один из выдающихся исследователей национализма Эрнест Гелнер), часто с общим языком, определённым багажом традиций, исторических переживаний и опыта, иногда вероисповедания, привязанностью к определённой географической территории.

Противопоставляя понятия нации и государства, считаю, что нация может существовать независимо от государства, что общая национальная культура (в том числе политическая культура) может оказаться наиболее устойчивым и более влиятельным элементом социальной солидарности, чем общее правительство или какая-то иная структура, основанная на мифах и иерархично навязанных ценностях. Когда речь идёт о едином политическом сообществе, я часто соглашаюсь с постструктуралистами, а также с антропологическим подходом Бенедикта Андерсона, приравнивавшего нацию к «воображаемому политическому сообществу, мыслимому как неизбежно ограниченное и суверенное». Но лишь в этом фрагменте, которой трактует «воображаемое сообщество», поскольку члены даже немногочисленной нации, не имеют личного контакта с большинством земляков, даже ничего о них не знают, но, несмотря на это, ассоциируют себя с ними, «заботясь в мыслях об образе сообщества». Как анархисты мы должны преодолевать эти ограничения, придумывать и практиковать новые взаимоотношения между людьми, вне границ, вне наций, не отрицая при этом всего разнообразия, этнического или культурного. В любом случае важна сознательность (воля) принадлежности к какому-то сообществу, то есть, иными словами, выбор идентичности. Повторюсь, однако, что это должно происходить низовым образом, а не быть навязано властями, политиками, интеллектуалами, а также иными «элитами». И немного провокационно: может быть, государства со своим национализмом являются неизбежным этапом в истории человечества? На этот вопрос ответят следующие поколения. В конце – не имею никаких проблем с понятием «нации», не запрещаю никому принадлежать к той или иной национальности. Тем не менее, мой флаг – не бело-красно-белый, и ни какой иной национальный, а чёрный.

Maciej wy: У поляков историческая проблема с тоской по государственности, по праву пользования собственным языком, по польскоязычными географическими названиями и это на нас, рождённых здесь, достаточно сильно отразилось. Страна с установившимися границами стала со временем национальной крепостью, вместе с несколькими десятилетиями сложностей в путешествии по другим странам. Кроме того, это пространство достаточно монолитно как в языковом плане, так и в плане идентичности и закрыто естественным образом от других культур. Язык стал также инструментом самоопределения сообществ, и это не имеет почти ничего общего с фашизмом. Как это, однако, бывает, вот это «почти» и есть проблемой: если выстраиваются административные надзорные структуры по делам языка или идентичности, по контролю культуры, истории или образования в сильном симбиозе с авторитарной религией — как и обстоит дело сейчас — то очевидным образом это приводит к злоупотреблению властью, а также к насилию. Ныне распространено присвоение фамилий людей или событий произошедших с подачи лиц, живших во времена, в которые вообще не существовала «национальная идентичность», чтобы определить их как мифическое «национальное наследие». На данный момент каждое уголовное дело или хотя бы обвинение, касающееся атаки на это наследие, культуру или религию выстраивает фундамент фашизма, но всё ещё им не является.

Нация для меня — это вопрос происхождения и желания совместного создания определённого сообщества, но в современном мире, с присосшей администрацией, невозможно отделить эти бытовые аспекты от государственной власти, чтобы прогнозировать, могут ли нации существовать без государства и какие формы могут обретать. Для анархизма нет проблемы в привязке к национальному происхождению. Проблема в использовании какой-либо идеологии, пусть даже основанной на идее равенства, для усиления надзора и ограничений.

Леон: Тема и проблематика нелёгкие, и нужно исключительно холодно и рационально подойти к вопросу, чтобы не попасть в эмоциональную и тем самым мутную картину ситуации. Я не приравниваю национальную идентичность к фашизму, как и не ставлю знак равенства между патриотизмом и национализмом. Я считаю себя интернационалистом, а классический государственный патриотизм — инструментом привилегированного класса для удержания общества под контролем. Это использование мифических, культурных или абстрактных идей элитами в собственных интересах. Прибыль, жадность, одержимость властью не имеют национальности. Правящий класс, в облике диктатуры, аристократии или неолиберальных государств, бьёт в патриотический бубен, чтобы подчинить себе общество, когда необходимо направить людей против самих себя. Подобную функцию выполняет и религия. Часто это дымовая заслона для укрепления позиции правящего класса и эксплуатации общества. Такой национальный, государственный патриотизм использует благородные идеи чувства общности, взаимопомощи или солидарности, только искажая их до состояния символов, мифов или абстрактных связей, служащих в конце концов интересам правящего класса. Существуют также локальный или умеренный патриотизм, для которого любовь к нации не означает восхваления государства. Нация сама по себе понятие размытое, и его значение изменялось на протяжении веков. Множество оголтелых патриотов или националистов не отдают себе отчёта в том, что на самом деле классическое национальное государство — это плод 19 столетия. Само

понятие нации меняло своё значение. Например, крестьяне в помещичьей Польше не признавались поляками, что было результатом классового разделения общества. Расширение понятия нации на всех членов общества часто имело революционный характер: Французская революция или Весна народов имели целью уничтожение классового и авторитарного устройства и распространение понятия нации на всех граждан, что должно было быть проявлением равенства и свободы. К сожалению, «нация» является понятием настолько общим и лёгким для манипуляций, что очень часто используется для разжигания конфликтов между «нациями».

Примитивным, на мой взгляд, является сведение всех конфликтов к классовой борьбе. Ликвидация классового расслоения, несмотря на свою неизмеримую важность в анархическом и левом движении, не является единственным фактором, который имеет в современном мире значение для общества. Войны часто помимо корыстных экономических интересов используют националистические, культурные и религиозные настроения. Анархисты должны понимать, что современные общества часто более мотивированы национальными чувствами, чем экономическими. Нации без государства, колонизированные народы, завоёванные и порабощённые народы – в таких сообществах мотивирующим фактором, склоняющим к освободительной борьбе, является определённая форма патриотизма или культурного единства репрессированного общества.

Национально-освободительная борьба может быть использована в своих целях как капиталистами, так и националистами или левыми и анархистами. Игнорирование и представление, что «наций не существует» полностью отдаёт эту сферу деятельности на откуп как националистам, так и капиталистам, и, прежде всего, изолирует анархистов от народа, которому важны идеи нации или культурной идентичности, и выдавливает анархическое движение в маргинальную среду, оставляя его без какого-либо значения в глазах общества. Так было в случае с борьбой в XIX веке против стран, оккупировавших Речь Посполитую, когда организации вроде Боевой Организации Польской Социалистической Партии или Пролетариата эффективно соединяли революционную борьбу с борьбой за независимость, а анархисты из таких групп, как Группа Революционеров-Мстителей, или Интернационал, помимо вооружённой борьбы и благородных целей, не имели большой поддержки среди людей. Речь не идёт о том, чтобы избавиться от своих интернациональных убеждений. Нечто подобное было и в случае ирландской борьбы с британской оккупацией, когда левые республиканцы, социалисты и синдикалисты взялись за оружие, сперва создав Ирландскую гражданскую армию (сооснователем которой был синдикалист и член Индустриальных рабочих мира Джеймс Коннолли), а позже Ирландскую республиканскую армию. Они были и до сегодняшнего дня являются значительной частью национально-освободительного движения. Известный, пожалуй, каждому анархисту теоретик анархо-коллективизма Михаил Бакунин сам отмечал силу национально-освободительных движений и считал необычайно важным включение революционеров в эту борьбу, привнося антиавторитарные, эгалитарные и социальные идеи в те движения. Поэтому Бакунин и поддерживал нации, захваченные и оккупированные царской Россией. Он был сторонником вооружённых восстаний против царизма, пробовал организовать поддержку для Январского Восстания 1863 года на территории бывшей Речи Посполитой, приверженцем которого был и которое поддержал. Также

он был сторонником создания Панславянской Федерации, где свободные и независимые славянские нации сосуществовали бы на эгалитарных условиях, а их внутренние структуры были бы основаны на анархических и бесклассовых принципах⁸.

Искажение реальности в пользу «чистоты идеалов» не приблизит нас к самоорганизованному, безгосударственному обществу. Конечно, интернационализм, международная солидарность или уничтожение государственных границ являются для меня целью и признаком анархизма, но это не значит, что анархисты должны оставаться в стороне в моменты национально-освободительной борьбы или конфликтов, начинающих империалистические войны. На мой взгляд, анархизм — это находиться на стороне эксплуатируемых, угнетённых или дискриминируемых, а не обижаться на общество, за то, что люди отождествляют себя с «нацией» или не хотят отбросить национальные флаги. Демонстрация альтернативы через действие, выстраивание горизонтальных структур в такие кризисные моменты, как война, стихийные бедствия или иные трагедии, вовлечение анархистов, которые на практике показывают иные формы организации, нежели иерархические — это существенные современные цели, которые могут быть альтернативой национализму.

Давайте не забывать, что, помимо нашего увлечения идеей освобождения, мы не можем закрывать глаза на то, что не каждый в состоянии заметить и понять нашу цель. Люди имеют право определять свою принадлежность, создавать свободные объединения, выстраивать свои сообщества, создавать региональные или собственные культуры. Культуры, локальные, племенные или региональные сообщества могут функционировать в мире без границ как и, на мой взгляд, без присутствия института государства. Обращение к истории и культуре, выбор из них освободительных элементов и отбрасывание элементов негативных или авторитарных может быть промежуточной формой и выходом на данный момент. Анархисты в Украине, принадлежавшие к Революционной Повстанческой Армии Украины, ещё во времена Нестора Махно соединяли анархизм с элементами казачьей культуры или обращались к культурным чертам, которые не противоречили идеям анархизма. Кольченко или иные анархисты, сражающиеся сейчас против российского вторжения, понимают, что Украина — объект имперской агрессии и попытки оккупации. Стоя на стороне сражающегося против оккупации общества, они стараются так же,

⁸ Идея панславянской федерации как федерации свободных областей, свободных славянских народов, появилась в представлениях Бакунина уже в 1846 году. В 1848 году, когда он присутствовал на Славянском съезде в Праге, во время продолжавшейся Весны народов, эта идея стала практическим направлением его деятельности. Борьбу за освобождение славянских народов от ига империй (Австро-Венгерской, Российской и Османской) он первоначально связывал с сильной антигабсбургской риторикой. Его славянофильские взгляды, в отличие от других версий панславизма, были направлены против царофильства (самовластия и православия) и центрального положения России в будущем славянских народов. В то время взгляды Бакунина можно было охарактеризовать как республиканские и революционно-демократические (отмена крепостного права и государств). Проект федерации славянских народов должен был основываться на полном равенстве, братстве и взаимопомощи всех народов с правом личности свободно селиться в каждой стране федерации. Во главе её должен был стоять Славянский совет, разрешающий внутренние споры и отвечающий за внешнюю политику. С другими версиями панславизма Бакунина объединяла вера в особую роль славян (мессианизм) в построении нового, более справедливого мира, а также преумножение исторических антагонизмов между славянскими народами. Со временем русский революционер распространил свои федералистские концепции — уже антигосударственные — на всю Европу и мир.

как и мы, понять характер и настроения народа. Отождествление себя с обществом, а не институтом государства является здесь определяющим, хотя ключевой момент – это понимание общественной мотивации. Флаг Украины, глядя на нынешнюю ситуацию, — скорее, символ солидарности и борьбы, чем института государства. Не идеализируя украинское общество, национализм, пытающийся появиться на фоне войны, или патриотизм, пробуждающийся под звуки падающих бомб, можно заметить существующую в реальности самоорганизацию, взаимопомощь и международную солидарность. Для всех, кто был или находится сейчас в Украине во время этой войны, становится естественным то, что в людях проснулся инстинкт кооперации, взаимного уважения, не глядя на происхождение, а также низовое взаимопомощь и помощь перед лицом войны. Может анархист иметь национальную идентичность или нет, зависит лишь от него. Как по мне, анархист может иметь что захочет, быть частью всего чего пожелает, вовлекаться в структуры, которые для него важны, если только они не находятся в конфликте со свободой других людей и не основаны на авторитарных, иерархических отношениях власти и подчинения.

2021 год. Беларусь открывает новые авиасообщения и облегчает визовые процедуры со странами Ближнего Востока и Африки. Люди, которые добиваются до Минска, убеждены, что последние километры до границы с ЕС – лишь формальность. Попадают на польскую и литовскую границы. Там под наблюдением силовых ведомств белорусского режима пробуют пересечь границу. Попадают в ловушку, становясь заложниками белорусского режима и его «живым оружием». Это новое «оружие» должно дестабилизировать и вызывать конфликты, национальные и политические. Польские пограничники охраняют «зелёную границу», массово возвращают людей обратно. Появляется ограждение, которое должно сдерживать попытки пересечения границы. Можем ли мы противостоять таким ситуациям, чтобы люди не использовались режимами как «живое оружие»? Каким образом мы можем препятствовать тому, чтобы они были обречены на смерть в межграничных тисках?

Анджей Клись: 6 000 000 людей пересекают польско-украинскую границу. Не являются лагеря для беженцев. Нет релокационных баз. Создано новое определение беженца, с экспресс-правом пребывания, работы и социального обеспечения. 500 000 украинских беженцев находятся в польских домах

Со мной связалась волонтерка, медик из Америки. Не знаю точно, где она собиралась работать. Спрашиваю у неё:

— Хочешь работать около линии фронта? Или во Львове? У тебя есть переподготовка по тактической медицине?

— Нет. Не хочу ехать в Украину. Хочу работать в лагерях для беженцев в Польше.

— Нет таких.

— А где есть?

— Нет в Польше вообще лагерей для беженцев из Украины.

Связь оборвалась. Похоже, не поверила мне. Звонит мне французский волонтер.

Собирается поехать на границу. Ищет квартиру, но всё занято.

— Ты можешь позвонить? Нам не хотят сдавать квартиру. Может, поляку сдадут.

Объясняю:

— Нет квартир. В них живут беженцы.

Я уже второй человек, который пытается это объяснить. Знакомому с Подкарпатья тоже не поверили. И мне, похоже, не верят.

Волна беженцев сталкивается с непредвиденной реакцией, которая кажется неправдоподобной волонтерам, приезжающим в Польшу с Запада. Для российских спецслужб однозначно это шок. Реакцией общества удивлены также польские спецслужбы и само общество. Элемент непредвиденности сработал конструктивно. Возможно, это хорошее направление.

Российские военные стратеги определённо рассчитывали на массовую миграцию украинского народа, которая вызовет миграционный гуманитарный кризис и национальные конфликты. Проградали. Благодаря своей спонтанности общество получило повод поверить само в себя как в сообщество, а власть имущие вынуждены довериться этому сообществу.

Ни ограждение границы, ни лагеря и базы для беженцев не удивят российские и белорусские спецслужбы. Это только один из вариантов, предвиденный в плане В, плане С и плане Х. Поэтому элемент неожиданности и гуманизм кажутся мне здесь ключевыми.

Лукашенко нужно «живое оружие» на границе или «люди в закрытых лагерях – бомбы замедленного действия». Где-либо в ином месте они для него бесполезны. Чтобы они не были использованы, требуется постоянное поступление информации о реальной ситуации на границе, а также возможность въезда в Европу на достойных и привлекательных условиях, в отличие от предложенных Минском или Москвой. Нынешнее решение в Западной Европе, на мой взгляд, неэффективно и негуманно. В этом я убедился благодаря связи с украинцами, которые просили о помощи по возврату в Польшу, не желая оставаться в Бельгии, Швеции или Норвегии. Я вижу необходимость в более универсальном понятии беженца и его статуса, которое было бы основано на условиях, схожих с созданными для украинцев в Польше.

Spielverderber: Как в случае с попытками пересечения любой границы (не только международной), насилие появляется в ситуации сопротивления одной из сторон другой, а значит чисто философски можно его избежать, подчинившись этой стороне. Подчиняясь каждому диктату и приказу, можно избежать насилия, только нужно быть потом готовым к долговременным последствиям такой позиции. Такой позиции учит нас государство, где, пока покорно выполняешь желания власть имущих, «существует мир», а когда сопротивляешься, то инициируешь насилие. Анархисты никогда не дистанцировались от насилия, понимая его как сопротивление. Считаю, что людям, которые застряли в пограничной полосе нужны помощь и спасение, одновременно понимаю, что эти одноразовые действия не ликвидируют проблему использования людей в качестве «живого оружия». Проблема насилия исчезнет, когда исчезнут её преступные исполнители... а потом вернётся в другом месте и в другое время, поскольку тактика захвата заложников стара как мир.

По моему мнению, миграционный кризис имеет несколько причин:

- Военная, политическая, экологическая, экономическая или религиозная дестабилизация государств, из которых едут мигранты, в чём очень часто участвует Запад.
- Миграционная/социальная политика богатых стран Запада. Слишком высокая социалка в сравнении с низким уровнем жизни в соседних странах приводит к тому, что они становятся пунктом назначения мигрантов. Одновременно эти страны не готовы к принятию и включению такого числа мигрантов в общество на равноправных условиях, поэтому стараются их отправить в страны «первого пребывания», в которые эти мигранты не хотят уезжать (поэтому используется насилие/принуждение), или закрывают их в лагерях (также используя насилие/принуждение). Одним из системных решений, которые мог бы принять ЕС, было бы введение одинакового социального обеспечения и минимальной оплаты труда на всей территории Евросоюза. Это бы открыло гораздо большие возможности принятия мигрантов при одновременно равномерном их размещении и минимизировало бы конфликты с местным населением, по крайней мере, на экономической основе.
- Природные и экологические катастрофы, случайные происшествия.
- Сознательная политика государств, рассчитанная на конкретный эффект (пример польско-беларусской границы). Мигранты целенаправленно обманываются режимом, а потом становятся его заложниками и вынуждены рисковать своей жизнью во время очередных попыток пересечения границы. С другой стороны, использование польскими пограничниками политики возврата беженцев негуманно и не соответствует международному праву, а также приводит к смертям мигрантов, при этом вообще не решая проблемы и одновременно развращая самих силовиков.

Возможные решения:

- Принятие мигрантов и размещение их согласно их воле на территории ЕС, а также распространение на них социальной помощи равной той, что получают граждане ЕС.
- Гарантирование им свободы перемещения и проживания в тех странах, в которых они захотят.
- Приглашение их людьми и сообществами, которые готовы их принять.
- Другие формы давления на белорусский режим, чтобы тот отказался от такой практики.
- Открытые или закулисные действия, ставящие целью упадок/ликвидацию режима.

Я категорически против как строительства закрытых центров и лагерей, так и принудительной депортации против воли самих мигрантов. Что касается самой

стены/забора, то считаю, что, по многим причинам, это не лучшее решение, но хочу отметить, что желание поставить заграждение растёт пропорционально агрессии соседа не только в международных отношениях, но и в индивидуальных. Считаю, что принимающие сообщества могут отказать в убежище: беглым диктаторам и их семьям, чиновникам тоталитарных государств, использующих пытки, бывшим и нынешним членам организаций вроде ИГИЛ.

Александр Ланевский: Попадаются также люди из Южной Азии. Мой отец с приятелем встретил в одной деревне возле границы с Литвой двоих оголодавших тамиллов с Шри-Ланки. Они рассказали, что им удалось пересечь границу и оказаться в Литве, но там их поместили в распределительный центр, их избивали литовские пограничники и сотрудники этого центра. Невыносимые условия в центре и страх за собственную жизнь вынудили их бежать оттуда и вернуться в Беларусь. Они бродили по лесам пока не наткнулись на хутор моего отца со знакомым, которые им помогли, накормили, предоставили возможность помыться в бане, дали позвонить родственникам и отвезли к каким-то знакомым (посредникам) в Минске. Перед этим они с телефона отца и его знакомого позвонили своим семьям, которые в свою очередь очень благодарили за спасение их детей и предлагали материальную благодарность. С ними была также сестра одного из них, след которой исчез в лесах белорусско-литовского пограничья. Они сказали, что хотят любой ценой добраться до дома и больше никогда сюда не вернуться. Это в качестве вступления.

Часть работы по предотвращению того, о чём твой вопрос, должна лежать не только на нас, но и на людях (активистах) в регионах, откуда родом эти мигранты. Мы виновны лишь в том, что слишком мало рассказывали миру о том, чем является режим в Беларуси, и что не смогли его свергнуть. Поэтому мир до сих пор мало знает о белорусских реалиях. Даже поляки! Даже украинцы, которые пребывали в мыльном пузыре под названием «Беларусь – чисто, стабильно, нет коррупции». Большинство украинцев перед 24 февраля 2022 года не только мало знали о Беларуси, но даже симпатизировали диктатору! Что уж тогда говорить о людях из Азии и Африки? Те люди, рассматриваемые белорусским и российским режимами как обычный товар, обманывались и обманываются, верят в байки пропаганды про открытую и демократичную Европу. Поэтому соглашаются на сотрудничество не только с «посредниками» из турагентств, но и с милицией, военными, КГБ. Знаю из разных источников, насколько популярен Путин и Россия в странах Азии и Африки, но в данном случае дело, скорее, в элементарном отсутствии информации у тех, кто выезжает за лучшей жизнью. Я поддерживаю их стремление улучшить свою жизненную ситуацию, но иногда меня поражает их наивность и несознательность. Мечта о переходе из Беларуси в Европейский Союз... Некоторым, немногочисленным (по сравнению с остальной частью беженцев и беженок) это удаётся, но это скорее исключения. Людям не хватает элементарной информации о том, что такое Россия и Беларусь – диктатуры, а с диктатурами не может быть никакого сотрудничества, никакого диалога, никакого доверия. Если у них хватает денег, чтобы заплатить за авиабилет, апартаменты, питание (знаю, что некоторые из них втроедорога платили белорусским силовикам за обычные бутылки с водой или хлеб), то почему у них не хватает ума узнать о том, что такое Беларусь? Почитать в интернете и как следует подготовиться. Не убеждает меня также обобщение, что все беженцы безоружны и

убегают от репрессий. Это левацкая идеализация проблемы. Эти тамилы, с которых я начал свой ответ, являются замечательным примером. Их семьи на Шри-Ланке не умирают от голода и не подвергаются репрессиям. В надежде на улучшение своих материальных условий они выбрали какую-то дыру под названием Республика Беларусь, а могли спокойно потратить деньги на другое направление. Возможно, мы слишком мало действуем на международной арене, чтобы объяснить «третьему миру», что ни в коем случае не следует ехать в государства, в которых собственных граждан пытаются и бросают в тюрьмы. В конце концов, трудно требовать от мигрантов знаний о восточноевропейских диктатурах, раз даже в Польше некоторые поддерживают эти режимы.

Большая часть вины лежит, ясное дело, на Западе. Эпоха постколониализма делает своё дело. Я понимаю, что «третий мир» разделён: одни мифологизируют США и ЕС, другие Россию. Образ России и Беларуси как стран анти-НАТО, антиимпериалистического щита очень силён. Пожалуй, и вложения Кремля в заграничную пророссийскую пропаганду через многочисленные фонды тоже делают своё дело. Существующая ситуация – результат проводимой столетиями разными державами имперской политики. К сожалению, Запад (в том числе Польша) в своём лицемерии сравним с Беларусью и Россией. Разделение на лучших и худших беженцев, и даже на лучших и худших европейцев, сопутствует лозунгам о правах человека. Лицемерие, с которым Запад осуждает диктатуры, соседствует с торговлей с этими диктатурами и игнорированием собственного печально известного нарушения прав человека. Некомпетентность и близорукость западных политиков приводят к этому и подобным кризисам. Запад многие годы взращивал философию иерархии, а сейчас пожинает её плоды.

Что мы можем сделать? Свергнуть режимы. Пока будут существовать такие ценности, как сейчас, мы не сможем противостоять «живым щитам» и смертям. Существуют государства, альянсы, союзы. Мы не предотвратим эти злодеяния, пока полностью не изменим наши ценности. Люди должны быть более образованны, иметь доступ к информации. В практическом смысле стоит усиливать сеть солидарности в приграничных районах. Иметь там «своих» людей. Мне кажется, что нас ждут ещё большие потоки миграции и кризисы, вызванные проблемами не только экономическими, но и экологическими. Вопрос в том, какие механизмы мы должны использовать, чтобы донести до польского общества, что никакие преграды (притом настолько дорогостоящие!) не сэкономят нас от ненависти. Я считаю, что в будущем появятся стены ещё большие, нежели та, что на польско-беларусской границе.

Maciej wy: Прозрачность и отчётность местных властей – один из немногих эффективных способов, но помимо него и над ним есть ещё международные институты вроде ЕС, которые создают более сложные механизмы требования определённых действий в сфере охраны границ этой суперструктуры. Еврокомиссия рекомендует государствам в ЕС надёжнее обеспечивать сохранность внешних границ Союза (например, предлагая кофинансирование строительства стен и т.п.), а также усилить борьбу с нелегальной миграцией (например, через распространённую практику высылки мигрантов в страну происхождения или первого въезда). Экстренная помощь в приграничной полосе не является решением против безнаказанности людей в форме, которые должны подвергаться всяческому осуждению. Поскольку некоторые

поступки польских пограничников (пока) нелегальны или не соответствуют процедурам, то, возможно, их проверка независимыми службами (после общественного давления за её проведение) может это изменить.

Леон: Прежде всего, стоит задаться вопросом о причинах миграции людей из стран Африки и Ближнего Востока. Последствия многовекового колониализма, войны и этнические чистки, эксплуатация и современные неоимпериалистические конфликты заново формируют разделение мира на богатый Север и бедный Юг, всё заметнее очерчивая неоколониальный интерес в том, чтобы бедность, исключённость и эксплуатация касались общества в Африке и странах Ближнего Востока. Международный капитал не знает границ, а корпорации и олигархи используют свои привилегии, чтобы иметь доступ в каждый уголок Земли, чтобы прятаться в местах с райскими налоговыми условиями, чтобы создавать и использовать военные хунты и диктатуры для защиты собственных интересов. Использование властями или националистами миграционного кризиса – стандартная практика порождения страхов и фобий в обществе. Манипуляции и ложь для взращивания ксенофобных настроений – практики, которые мы всё чаще наблюдаем в Европе. Орбан, шантажирующий и устрашающий Евросоюз запуском орд эмигрантов, PiS и Конфедерация, подогревающие расизм и страх перед «пришлыми» и «бандитами», консервативная партия и UKIP⁹, породившая в общественном сознании образ катастрофы, вызванной прибытием мигрантов в Великобританию, что привело к Брекситу — вот лишь некоторые примеры того, как власти на самом высоком уровне используют страх и дезинформацию, контролируя общественные настроения и страхи, создавая «козлов отпущения» общественных проблем, маскируя при этом настоящие причины кризисов.

Смерть в море или приграничной полосе, контрабанда и торговля людьми — это всё трагедии, которых не удастся избежать. Тысячи волонтеров и активистов, спасающих беженцев в морях или в лесах — проявление того, что в людях есть ещё искра надежды. Это, к сожалению, лечение последствий, а не причин, но это необходимое проявление человечности реально спасающее жизни. Наши друзья из No Borders Team или иных анархических групп, спасающие людские жизни в лесах Подлясья – очередной пример того, что те, кто умирают в лесах, не могут рассчитывать на помощь государства, которое использует оружейные стволы для высылки мигрантов. Но могут рассчитывать лишь на тех, для кого цвет кожи или происхождение не важны. Важно то, что система, которая обрекает людей на изгнание, смерть в лесах или в море, делает это в «белых перчатках», выстраивая своё влияние и богатство на трупах людей, вынужденных покинуть свои дома. Отвечая на вопрос, можем ли мы как-то этому противостоять: стоит прежде всего вносить в общество понимание причин миграционного кризиса, того, что колониализм существует и обрёл новую форму, того, что капитализм эксплуатирует и повергает в нищету миллионы людей. Пока общество не примет эти факты, будет и дальше видеть лишь последствия в

⁹ Партия независимости Соединенного Королевства — Найджел Фарадж, пропутинский политик-консерватор, был связан с этой партией до декабря 2018 года. С 2019 по 2021 год он возглавлял Партию Brexit, действующую с января 2021 года под названием Reform UK.

виде людей, пытающихся прорваться через европейские стены, а крайние правые будут и дальше использовать манипуляции, стравливая людей.

До 1939 г. французские пацифисты протестовали против войны. Борьбу с нацистской армией описывали как «авантюру». Даже после 1939 года добивались уступок в пользу нацистов¹⁰. Когда немецкая армия вторглась во Францию, те же самые пацифисты оглашают необходимость тесного сотрудничества с Гитлером, более тесного, чем даже реализованное коллаборационистами из Виши! В 2022 году синдикалистские и анархические организации публикуют заявления о сопротивлении войне¹¹. Можно ли говорить об определённой аналогии сегодняшней и довоенной позиций? Не является ли такое отношение, независимо от намерений, поддержкой Путина?

Анджей Клись: Пацифистские настроения того французского общества, а также пацифизм, ныне наблюдаемый в Западной Европе, вызывает déjà vu. Важен вопрос о том, как будут в недалёком будущем эволюционировать пацифистские взгляды в западноевропейском обществе. Известно, что случилось после 1939 года, а также после оккупации Франции немецкой армией, и из этого стоит делать выводы на будущее.

Я опасаясь, что победа или проигрыш Украины не является очень существенным вопросом для сторонников такого отношения. Будет принята любая версия событий, лишь бы она закончилась окончанием военных действий. Как и полная оккупация Украины Россией не противоречит пацифистской парадигме. Любая «реконкиста» и попытки борьбы с оккупантом будут противоречить этой парадигме.

Постулат «экономической безопасности рабочего класса» поднимается также корпорациями под лозунгом «заботы о сохранении рабочих мест». Этот аргумент часто используют те международные фирмы, которые не ушли с российского рынка либо были пойманы на обходе санкций. Экономическая безопасность рабочего класса и корпорации стали полностью взаимозависимы. Такой симбиоз – одна из наиболее значимых характеристик доктрины корпорационизма¹². Тезис о единстве работодателей и рабочих во имя общих интересов объединил в себе черты социализма, национализма и синдикализма в идеологии фашизма. Если общность интересов меж-

¹⁰ В. Бартошевский, Стоит быть порядочным. Личные и неличные тексты, Вместо вступления, Poznań 1990, с. 30.

¹¹ Союз синдикалистов Польши — Многонациональный союз, Против войны!, <https://zsp.net.pl/przeciw-wojnie>, 04.04.2022, ZSP, [доступ 06.03.2023] а также Национальная комиссия OZZ Inicjatywa Pracownicza, Против войны — за транснациональную солидарность рабочих!, <https://www.ozzip.pl/dokumenty/item/2864-przeciwko-wojnie-za-ponadnarodowa-solidarnoscia-pracownicza>, 24.02.2022, OZZIP, [доступ 06.03.2023].

¹² Корпоративизм (*лат.* corporatio — объединение, ассоциация) — экономическая и социально-политическая доктрина итальянского фашизма, у истоков которой стоял католический консерватор Альфредо Рокко. Это концепция, основанная на признании совместимости интересов рабочих и работодателей на основе сотрудничества (*collaborazione*) и национальной солидарности. Буржуазия вместе с другими социальными слоями под строгим государственным контролем должны были быть организованы в союзы (корпорации) в соответствии с сектором (отраслью) экономики. Эта доктрина была альтернативой либеральному индивидуализму со свободным рынком и противовесом социализму и коммунизму. Устранение классовых антагонизмов и конфликтов должно было быть достигнуто, в частности, путем навязывания сверху «прав трудящихся» (Трудовая хартия) и ликвидации и запрета левых профсоюзов.

дународна, как с точки зрения свободного рынка, так и марксизма, то национализм становится интернационализмом, что может привести к какому-то наднациональному «фашизму». Для испанских новых правых отказ от национализма в рамках крайне правой позиции не является чем-то абстрактным. Падение Российской империи определённно нарушит этот симбиоз.

Позиции польской анархической и синдикалистской среды, обозначенные в заявлениях, повторяют западноевропейскую пацифистскую парадигму. Они являются её копией. Сторонники такого подхода неоднократно ссылаются на западных неомарксистов и троцкистов. Те, в свою очередь, позиционируют себя в роли учителей для отсталой, по их мнению, Восточной Европы.

Массовые протесты в России под лозунгом «Нет войне!» кремлёвские власти определённно предвидели, планируя начало полномасштабной войны. В медиа появляется информация об отважных одиночках и малых группах, решающихся на борьбу с оружием в руках, поджоги военкоматов и акты саботажа. Некоторым удаётся бежать. В конце концов протесты задавлены без ущерба для империи.

Пацифистские позиции не нарушают путинской пропаганды. Мирные методы не являются соответствующим инструментом для борьбы с российским государством. А в случае западных левых не хватает также намерений свергнуть Российскую империю. Позиции эти в зависимости от ситуации могут либо служить на пользу российской пропаганде, либо ничего не значить. Однозначно они не мешают реализации планов Кремля.

В 2020 году беларусское общество восстаёт против властей. Массовые протесты быстро переходят в уличные столкновения невиданных в послевоенные времена масштабов. На момент, когда беларусская оппозиция начинает критиковать мирный протест как неэффективный, улица уже давно это понимает. Когда усиливаются репрессии, участники восстания ищут убежища в том числе в Польше и Украине. Там они готовятся к продолжению борьбы. В 2022 году сражаются на стороне обороняющейся Украины. Итогом протестов беларусского общества становится создание военных отрядов, готовых к битве. По моему мнению, это наиболее соответствующий инструмент для борьбы с диктатурой. Не вижу никаких эффективных альтернатив.

Spielverderber: Эта аналогия кажется мне очевидной и имеющей очень схожие основания. В пользу пацифистов начала XX века говорит факт, что они имели определённно меньший доступ к информации, чем их сегодняшние последователи. Однако, мнение современных «пацифистов» не является монолитным. За такими декларациями стоит целая гамма позиций и палитра взглядов, где на противоположных полюсах стоят искренние последовательные пацифисты/антимилитаристы и напротив них агенты влияния Кремля, маскирующие свою единственную пророссийскую позицию пацифизмом, понимаемым очень избирательно. Между этими двумя полюсами блуждают «последователи отечества пролетариата», полезные идиоты, экономические бенефициары предшествующей ситуации и религиозные сектанты.

Я с полным пониманием смотрю на нейтральную позицию пацифистов из постколониальных стран, трактующих войну в Украине как конфликт европейских государств, который не следует расширять и в который не следует вовлекаться. В актуальной ситуации на российско-украинском фронте результат всех этих позиций идёт на пользу России, давая ей шанс на восполнение потенциала.

Александр Ланевский: Считаю такую позицию наивной. Она вредит одинаково как анархическому движению, так и всем жителям Украины, которые стали жертвами войны. Да, согласен, что подобные действия (а вернее, их отсутствие) на руку Путину. Я бы вообще назвал их «полезными идиотами». Давайте представим ситуацию, когда женщины сочли бы защиту от насильника «авантюризмом», а уже после изнасилования были бы вынуждены признать, что сами провоцировали, были одеты в мини-юбку, шли в одиночестве по тёмной улице, родились женщинами... Это полный абсурд. Позиция жертвы и лжеца. Точно также с пацифизмом. Я принимаю, что существуют определённые философские и религиозные пацифистские позиции, которым люди могут следовать (например, толстовцы, если речь об анархистах). И если они последовательно придерживаются этих принципов, то я уважаю их взгляды. Только непотворение злу не означает сотворчества со злом. Не хотите, не можете или не умеете сражаться – не делайте этого, но не будьте расадниками пораженчества и не мешайте людям сражаться за их собственные убеждения и жизни. Критикуйте агрессора, а не жертву. Я хотел бы, чтобы это прозвучало чётко и ясно. Украина имеет право на вооружённую защиту, на убийство оккупантов, на применение насилия в отношении захватчиков. Точно так же, как изнасилованная женщина имеет полное право кастрировать насильника или даже покарать его смертью.

Цитирование Холла Гарднера также частично вписывается в то, о чём я говорил выше. Гарднер, как и Ноам Хомский¹³, в этой ситуации является адвокатом дьявола. Призывает к тому, чтобы Украина отказалась от «тотальной победы». Веря в силу мировой дипломатии, считает, что Россия согласится на «частичную победу»¹⁴. Это за всякой гранью наивности. Повторяет всё то же, что и российские пропагандисты: НАТО спровоцировало Россию на убийство украинцев. Я убеждён, что если Россия согласится сейчас на какой-то мир, то это лишь вопрос времени, когда она начнёт очередное вторжение, поскольку конкуренция с Западом засела глубоко в русском сознании и культуре. А Запад с русофильством Франции, а также бизнес-связями Австрии, Германии и Италии, не что иное, как страх и взяточничество, о чём справедливо сказала год назад дочь Алексея Навального (взгляды которого мне чужды) Дарья во время выступления в Совете Европы: «Под доводами прагматизма скрываются цинизм, лицемерие и коррупция»¹⁵.

По моему скромному мнению, на проблему стоит смотреть шире. Не только экономические факторы (возможно они третьестепенны по важности в этом конфликте), но также демографические и исторические, накладывающиеся на более широкие геополитические манипуляции, спровоцировали эту войну. Путин, которому не удалось полностью овладеть Украиной, хочет её теперь полностью уничтожить. Сколько

¹³ Например, Argumentorik: Menschen Überzeugen mit Wlad, Between NUCLEAR WAR and STABLE PEACE: Brilliant analysis of the war in Ukraine by Noam Chomsky (2023), <https://www.youtube.com/watch?v=C-AyEZzzlfo>, 18.02.2023, YOUTUBE, [доступ 30.03.2023] и других западных левых интеллектуалов (например, M. Benjamin, N. Davies, *War in Ukraine: Making Sense of a Senseless Conflict*, preface by Katrina Vanden Heuvel, New York 2022).

¹⁴ Например, H. Gardner, A plea for peace between Russia and Ukraine, <https://www.meer.com/en/71861-a-plea-for-peace-between-russia-and-ukraine>, 18.01.2023, MEER, [доступ 30.03.2023].

¹⁵ Pedro Silva Pereira, Prémio Sakharov Prize 2021: discurso de Daria Navalny, filha de Alexei Navalny, <https://www.youtube.com/watch?v=hBMVeydd824>, 15.12.2021, YOUTUBE, [доступ 30.03.2023].

будет стоит восстановление Украины в случае победы России? Кремль хочет вернуть земли, которые когда-то принадлежали Российской империи — кстати, не только власть, но и огромная часть россиян этого желают. Будем помнить, что Россия пытается найти выход из серьёзного демографического кризиса¹⁶. На протяжении последних трёх лет её население уменьшилось на 2 млн. человек. И не только пандемия тому причиной. Война забрала жизни около 200 тысяч человек, причём процент этнических россиян в популяции снизился с 78% до 72%. Мужчины в России умирают на 18 лет раньше, чем мужчины в Японии, а их число постоянно падает. Может, стоит задуматься, зачем россияне похищают украинских детей? Путин отдаёт себе отчёт, что соседствующие с Россией азиатские страны, например, Китай, таких проблем не имеют, скорее, наоборот.

Проблема пацифизма многоуровневая. Когда мы теоретизируем на тему войны, происходящей где-то там далеко, а мы живём в комфортных условиях и говорим: «Война является абсолютным злом», — это одно дело. Но как только дело доходит до войны на моём участке, когда я являюсь свидетелем убийства собственного ребёнка, изнасилования жены, потери ног... то оптика может резко поменяться. Тогда уже нет времени на пацифизм, поскольку ты должен выжить, а чтобы это сделать, нужно сражаться. То есть теория должна всегда быть скорректирована, восполнена и отшлифована практикой. Даже если мы примем, что пацифизм является верной дорогой, то как согласовать различные направления внутри самого пацифизма?¹⁷ Скажем, пацифизма либерального и анархического? Похожие расколы имели место в 30-х годах XX в. в мировом пацифистском движении. Мир, но на каких условиях? На условиях дальнейшего существования капитализма? Кто будет стражем мира? ООН? Какие-то неопределённые новые международные военные силы? Ведь мы наблюдаем, что как тогда, так и сейчас эти структуры мертвы. Считаю, что пацифизм также является болезнью. Каждая операция или приём антибиотиков, а также сильнейшие средства являются для организма человека определённым шоком. И здоровый человек всегда скажет, что не хотел бы подвергнуться, скажем, химиотерапии. Но когда мы болеем, то, если захотим выжить или попытаться выжить, схватимся за каждую возможность. Пацифизм хорош, когда стремится противостоять войне, но не в момент, когда война уже началась. Ведь часть французских пацифистов, например, разные товарищества ветеранов Первой мировой войны, верила, что ветеран Гитлер, зная все ужасы войны, не допустит её повторения! Подобным образом на Западе рассуждают о Путине, который кажется им гарантом «стабильности» в нашей части Европы. Для большинства из них Украина или Беларусь — это экзотические территории, исторически находящиеся в сфере интересов России. Революционный фанатизм французских левых является тем же самым, что озвучивают сегодня неко-

¹⁶ Демографический кошмар России станет еще хуже, <https://www.economist.com/europe/2023/03/04/russian-population-nightmare-is-going-to-get-even-worse>, 04.03.2023, The Economist, [accessed 30.03.2023]; С. Гетц, «Если мы доживём до конца этого года, я буду удивлён и рад. Демограф Алексей Ракша о влиянии войны на будущее россиян», <https://discours.io/articles/social/aleksey-raksha-about-russian-demography>, 24.03.2023, ДИСКУРС, [доступ 30.03.2023].

¹⁷ Пацифизм в истории. Идеи и движения мира, ред.: Р.М. Илюхина, Т.А. Павлова, Г.П. Добросельская, Москва 1998.

торые российские анархо-синдикалисты. Речь, например, о КРАС¹⁸. Либо некий Олег «Жук» Смирнов, лидер группы «Бригадир», антифашист (!), известный в Польше, который яростно защищает своих коллег из группы, работающих на производстве дронов для российской армии¹⁹. Они провозглашают тезис, что как российским, так и украинским солдатам нужно бросить оружие и побрататься. Или что лучше помогать российским солдатам, поскольку они являются пролетариатом, нежели сражаться под предводительством украинской буржуазии (и НАТО). Хотелось бы ошибиться, но подозреваю, что эти т.н. антимилитаристы не стоят под казармами и не агитируют российских военных, как и не пускают под откос российские поезда. Украинский анархист и историк Анатолий Дубовик назвал эти тенденции анархо-путинизмом²⁰. Мне кажется, что на Западе пропаганда милитаризма намного меньшая, чем в России или Беларуси. Война в этих странах засела глубоко в политической культуре, в образовании, в искусстве, в экономике. Пацифизм во время войны служит узким, экзотическим или групповым интересам, является оправданием перед выходом из собственной зоны комфорта и отсутствием сопротивления всему тому злу, которое несёт война. Это умело использует кремлёвская пропаганда. И ещё одна необычайно важная вещь. Не НАТО или Зеленский, но украинский народ рассматривается и должен рассматриваться как политический субъект. Этого не понимают на Западе.

Так же как часть пацифистов не доверяла СССР, так и сегодня пацифисты не доверяют Западу и НАТО. В 1938 году имел место позорный Мюнхенский сговор (кстати, поддержанный не только частью союзников, но также и такими иногда любимыми анархистами-интеллектуалами, как Жан-Поль Сартр или Симон Вейль), согласно которому к Третьему Рейху перешла часть Чехословакии. В 2022 году, к счастью, не дошло до чего-то подобного, но давайте посмотрим на риторику Франции или Германии в первой фазе войны. Они были готовы повторить ошибки 85-летней давности – согласиться на раздел Украины, как это было сделано с Чехословакией. Кстати, несмотря на формальное непризнание Крыма частью России, Европа фактически приняла такое положение дел.

В подобной пацифизму ситуации находится и антифашизм, которым Россия жонглирует так, как ей нравится. Делает то же, что и СССР 90 лет назад. Ослепляет

¹⁸ Международная ассоциация трудящихся К.Р.А.С., <https://aitrus.info/>

¹⁹ Мы просто делаем музыку, которая заёбывает — интервью с группой BRIGADIR, <https://161crew.bzzz.net/po-prostu-tworzumu-muzyke-ktora-napierdala-wywiad-z-zespolem-brigadir/>, 08.09.2015; «Антифашизм — это специфическая система ценностей, исключаящую любую дискриминацию» — интервью с группой BRIGADIR, часть II, <https://161crew.bzzz.net/antyfasyzm-to-okreslony-system-wartosci-ktory-wyklucza-jakakolwiek-dyskryminacje-wywiad-z-zespolem-brigadir-czesc-ii/>, 18.10.2015, 161CREW, [доступ 30.03.2023].

²⁰ А. Дубовик, Об анархо-путинцах, 14.08.2022, TELEGRAM, https://teletype.in/@kad_ifa/qncw21nHAEb; А. Дубовик, Интервью Анатолия Дубовика и Сергея Шевченко греческому анархическому сайту. 25-26 сентября 2022 года, https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=pfbid0SjVaouAEqZeHJEeyeWLQ, 30.09.2022, FACEBOOK, [доступ 30.03.2023]. См. также важный памфлет «Против анархо-путинизма. Разоблачение российской пропаганды в среде анархистов о российско-украинской войне», 2022, <https://t.me/at1facreative/1098>, 02.07.2023, TELEGRAM, [доступ 30.09.2023] и Д. Хромый, Миф Вадима Дамье о «классическом анархистском интернационализме», <https://pramen.io/ru/2023/08/otvet-na-tezisy-vadima-dame-o-vojne-mezhdu-ukrainoj-i-rf/>, 21.08.2023, ПРАМЕНЬ, [доступ 30.09.2023].

европейских левых. Уже существует так называемое движение Z-antifa, а ДНР и ЛНР с самого начала обозначались как «антифашистские», привлекая в свои ряды сторонников левых. Здесь я вынужден признать правоту Черчилля, который говорил: «Фашисты будущего будут называть себя антифашистами».

Maciej wy: Несмотря ни на что, я не являюсь сторонником использования некоторых эпитетов: «поддержка нарративов Путина» vs принадлежность к «сторонникам диктата США или НАТО», поскольку их можно использовать в отношении одних и тех же людей. Ведь так можно называть, например, анархистов поддерживающих своих товарищей, сражающихся против Путина, и одновременно критикующих польские и украинские националистические тенденции или возрастающую милитаризацию страны. Нейтральное отношение к войне — это также поддержка Китая, который, не отрекаясь от России, помогает ей и зарабатывает на этом кризисе очень много, одновременно готовясь к атаке на Тайвань.

Довоенные пацифисты, возможно, верили, что солидарность рабочих в силах побороть этот кризис, но она уже давно не существует либо и вовсе не существовала, а была лишь очередным мифом, выдуманным Сорелем. Возможно, единственным действенным международным инструментом солидарности является сейчас солидарность капитала, в подтверждение чему можно взглянуть хотя бы на число фирм, которые всё ещё управляют бизнесом в России. На данный момент покупки в «Ашане» или выпивание пива от Heineken — это поддержка России такая же, как и необдуманные речи.

Леон: Пацифизм, идея продолжительного мира, антимилитаризм – всё это очень благородные и прекрасные идеи, к которым необходимо в какой-то степени стремиться и ими руководствоваться. Пацифизм сам по себе принимал разные формы и несколько раз обретал обличье сильных гражданских движений неповиновения во время протестов против войны во Вьетнаме или Ираке, его воздействие, на мой взгляд, определённо влияло в какой-то степени на сознательность общества. Пацифизм также принимал крайние формы, как некритичный и однотипный подход ко всем войнам. Отсутствует в нём разграничение хотя бы «оборонительных войн» или вопрос насилия в условиях самообороны. Я не являюсь пацифистом, хоть и считаю войны бессмысленной и ненужной кульминацией насилия, основанной на территориальных, экономических или идеологических претензиях. Война является злом, и тут большинство из нас согласится, но на каждый вооружённый конфликт необходимо смотреть индивидуально. Каждая личность, по моему мнению, имеет право обороняться от насилия, так же, как и оборонять своих близких. Я считаю, что и общество обладает подобным правом. Война — это наиболее brutальная квинтэссенция институционализированного насилия, но можем ли мы в похожих категориях рассматривать нападающих и защищающихся? Убийства, изнасилования, ограбления не имеют оправданий, неважно, кто их совершает, но нужно всегда смотреть на индивидуальный контекст.

Военная машина всегда приводит к падению принципов (даже среди жертв войны) как среди тех, что обороняются, так и среди атакующих. Но в одинаковой ли степени мы будем оценивать справедливость использования насилия в случае нацистских отделений СС совершающих преступления, и в случае партизан, сражающихся с ними? Подход, презентованный в вопросе относительно французских пацифистов,

по-моему, как минимум наивен, а скорее, досадно вреден, поскольку выставляет «атакованное» общество стадом «безмозглых овец», которые во имя собственной безопасности готовы сделать всё, даже сотрудничать со своим мучителем. Неужели «физическая безопасность» — это абсолютная ценность, ради которой мы готовы жертвовать свободой, достоинством и своими взглядами? Мир любой ценой может нести за собой трагические последствия. Ведь если бы человечество не сражалось с Гитлером и добровольно ему поддалось, не было бы войны и миллионов жертв. Вопрос в том, хотели ли бы мы жить в таком мире «спокойствия»? Это яркий пример, но каждый вооружённый конфликт имеет в своём основании конкретные предпосылки и причины. Иногда они хорошо скрыты теми, кто вызывает войны, прикрыты плащом высокопарных идей, патриотизмом, манипуляциями, страхом.

Империалистические войны во имя экономических интересов часто опираются на страх, а агрессор делает всё, чтобы чувство страха поддерживать и среди собственных граждан. Современные примеры — это вторжения в Афганистан и Ирак (с участием НАТО, но возглавляемые США). «Война с терроризмом» — отличный пример того, как защищать запуганное, контролируемое общество от зачастую выдуманного врага. Вранье официального правительства даже если станет явным, как в случае вторжения в Ирак, когда Джордж Буш и Тони Блэр публично врали о предполагаемом химическом оружии, якобы находящемся во владении иракских властей, никоим образом не идёт в расчёт. Агрессоры могут бессовестно врать, придумывать поводы для вторжения и убийств, а когда ложь становится явной, не несут никакой ответственности. У США богатый опыт в этом деле. То же самое и с Россией. Обе чеченские войны опирались на ложь и фабрикацию поводов к вторжению.

Нынешняя война в Украине — идеальный пример манипуляции и вымышленной угрозы, которой пугали российское общество. Правящие в Киеве нацисты, убийства русского населения на Донбассе, планирование вторжения западной загнивающей культуры, осадное положение — всё это враньё правительство Путина втирало своим гражданам (как и некоторым западным анархистам и твердолобым коммунистам), чтобы начать «специальную операцию» (ну не войну же), нацеленную на украинских «кровожадных нацистов». Здесь заметна империалистическая аналогия с войной в Ираке. В Ираке правительство США вместе с союзниками по НАТО совершило вторжение, чтобы сохранить власть в регионе под западным контролем, обеспечить свои экономические интересы и не допустить независимости стран Ближнего Востока. Эта неокOLONиальная модель была использована и в отношении Украины. Россия не собиралась допустить хоть в какой-то степени независимости в «её сфере интересов». Освобождение из-под империалистического сапога Москвы заканчивается резнёй, и все должны это понимать.

Антивоенные позиции тут очень к месту, но их целью должен быть режим Путина — главный виновник трагедии, которая сейчас происходит в Украине. Использование антимилитарных фраз и неверно понимаемого пацифизма в целях «сохранения нейтрального отношения», препятствование помощи Украине или достижение «мира» ценой украинских территорий и жертв — это не что иное, как отождествление жертвы и насильника. Наивность такой позиции — это действие в пользу легитимации империалистических и неокOLONиальных действий московского режима. Тем более удивляет поддержка таких фальсификаций анархистами и левыми, которые не так

давно осуждали западное вторжение в Ирак и поддерживали иракцев в их борьбе с оккупацией. Объяснить это можно тотальным игнорированием, предрассудками ко всему «западному» при одновременном пользовании западными привилегиями либо многолетней пропагандой, направленной на некоторую часть западных левых. Немало полных идиотов и на нашей земле, лепящих на нас этикетку «окопных анархистов», «военных бунтарей» или «агентов ЦРУ», что звучит очень парадоксально, ведь наши действия в Украине направлены на помощь жертвам войны и анархистам, сражающимся с империалистическими захватчиками.

Представленная позиция части анархистов и синдикалистов в Польше кажется схожей с лозунгами вроде «это не наша война!» или «обе стороны одинаково виновны!». Очевиден определённый симметризм, похожий на тот, что презентуют западные левые. Является он обоснованным? Или это только попытка избегания? Как вы можете прокомментировать такую позицию? Можно ли её принять? Можно ли было бы её принять в 1939 году?

Анджей Клись: Аргумент «это не наша война!» синдикалисты объясняют тем, что единственной правильной войной может быть лишь «классовая война», а не война «двух национализмов». Сведение атаки России на Украину к конфликту только между двумя государствами выглядит слишком большим упрощением. Такой взгляд можно принимать всерьёз, когда армия нападающего государства атакует армию и институты обороняющегося государства. В нашем случае Россия атаковала прежде всего гражданское население и инфраструктуру. Здесь мы имеем дело с целенаправленной и запланированной атакой на население. Именно поэтому нельзя всё упростить до «конфликта двух государств» или «двух национализмов». Атака крупнейшего государства в мире – Российской империи – на жителей Украины является в т.ч. классовой войной. Путинский режим был убеждён, что рабочий класс не будет оказывать сопротивления российской армии. Покорённое общество станет классом производителей, работающим на империю. Ошибся. Неустанные атаки на поселения, школы, больницы, заводы, университеты – это месть за сопротивление, направленная как раз против рабочего класса. Атака Российской империи также является геноцидом всего украинского народа, как когда-то истребление евреев Рейхом. Симметричное отношение к войне в конце концов приводит к Холокосту. Именно поэтому этот взгляд невозможно принять, если мы признаём, что человеческие жизни важнее, чем «экономическая безопасность» и «мир любой ценой».

Также часто появляется аргумент «оборонительной войны» двух империализмов. Украина здесь должна играть роль агента ЦРУ. Роль России представляется как «спровоцированный агрессор», как страна? выступающая в защиту «взбунтовавшихся республик», «русскоязычного населения». Отсюда выводится тезис о «гражданской войне», где агрессор не столь очевиден. Эта позиция схожа с позицией западных сторонников марксизма, который часть польских анархистов пытается поженить с анархизмом.

Spielverderber: Западные левые имеют идеализированный образ СССР, за которым следует Россия, которая трактуется как его продолжательница. На это влияет ряд факторов:

- Отсутствие непосредственного опыта жизни за железным занавесом;

- Восхищение СССР/Россией, рассматриваемыми как альтернатива той системе, в которой люди живут;
- Двуполярное понимание геополитики по принципу «НАТО против России»;
- Действия лоббистов, агентов влияния, а также явное финансирование некоторых группировок и личностей на Западе Россией;
- Российская пропаганда и дезинформация, трактуемые как альтернатива главным медиа;
- Полезные ископаемые, которыми Россия умело ставит в зависимость от себя страны Запада и западных левых, которые не хотят лишиться комфорта, если вдруг Россия обрежет снабжение... Не только по экономическим причинам, но и по идеологическим (экотрансформация в зелёную энергию).

По причине функционирования Украины до войны как целиком коррумпированного государства, разделённого олигархами, можно понять такую позицию. Для западных левых нейтралитет — это не только вопрос удобного избегания (позиция наименее ангажированная), но также и откладывания во времени неизбежного соприкосновения с собственными повторяемыми годами тезисами, которые оказались ошибочны.

Совершенно иначе оцениваю подобные позиции в Польше, где нельзя скрываться за отсутствием знаний, опыта и информации из первых уст. Как должен был бы выглядеть этот нейтралитет перед лицом проблемы военной эмиграции в случае потенциального поражения Украины?

Некритичное перенятие позиций западных левых родным движением (не только в вопросе войны в Украине) — это тупик, в котором вот уж несколько лет эти левые застряли, будучи слишком большой силой, чтобы исчезнуть, и слишком слабыми, чтобы осуществить заметные перемены. Тем, кто считает, что Запад и путинская Евразия — одинаково хорошие места для жизни, предлагаю испытать это на практике.

Позиция «это не наша война» исходила из необходимости мира и безопасности, и, как показала история, не принесла своим сторонниками ни первого, ни второго.

Александр Ланевский: Такие голоса будут всегда. Кажется, однако, что это маргиналы среди маргиналов. Могу согласиться, что обе стороны виновны (если рассматривать конфликт в категориях НАТО-Россия), но точно невиновны украинцы — это во-первых. Во-вторых, Россия виновна больше, надеюсь, этого не нужно никому объяснять. Для меня понятно, что «чужими» могут казаться вооружённые конфликты в Южной Америке или Юго-Восточной Азии, даже в Сирии. Поскольку это далеко и не каждый понимает их геополитический контекст. Но не для левых, и тем более не для анархистов. Мне кажется, что, с одной стороны, это очевидная попытка избегания и наивного сохранения «идейной чистоты». Я вижу в этом постулаты анархистов начала XX века, которые верили, что социальная революция или всеобщая забастовка спасёт всех нас и перенесёт в анархию. Такие листовки могли выходить из-под пера 18-летних анархистов периода революции 1905 года либо французских профсоюзников перед Великой Войной, но не от некоторых российских учёных в 2022

году. Очевидно, такая позиция, как и любая другая, имеет право на существование, но для меня неприемлема. Повторение мантры: «это не наша война, это не наша революция...». Я спрашиваю: когда наконец начнётся что-то наше? Война не может быть наша или не наша, она идёт, и мы должны реагировать. У нас есть Махно и гражданская война в Испании как примеры массового участия анархистов в вооружённых конфликтах. Анархисты должны были отказаться от общего фронта против франкистов? Курды имеют моральное право пользоваться военной поддержкой США?

Для ясности поясню: НАТО является антигуманной структурой, у Запада руки в крови, и это следует всегда подчёркивать, как мы делали это в Кракове в 2009 году. Только мир не чёрно-белый, он имеет больше цветов и оттенков. Анархисты, как минимум европейцы, должны обдумать и определить заново свои взгляды на тему таких вооружённых конфликтов, черпая опыт и анализируя эту войну в Украине.

И здесь мы подбираемся к следующему уровню проблемы, т.е. «интеллектуальной пустоты» анархистов, не способных разговаривать с современным человеком понятным ему языком, не способных реагировать на вызовы современности. Война является одним из таких вызовов. Надеюсь, что опыт войны и других подобных кризисов поможет анархистам победить эту пустоту и дать определение части наших оторванных от жизни постулатов.

Тяжело спекулировать на тему того, была ли бы эта позиция приемлема в 1939 году. Часть движения не извлекла выводов из 1914 года, мечтая о всеобщей забастовке, видя в ней панацею от проблем, в том числе геополитических. Мы можем рассуждать о том, каким злым является Запад, но важнее то, что даже в этот момент в Украине гибнут люди. А убивают их граждане России. Беларусские тюрьмы полны политических заключённых. В большой степени также благодаря Кремлю. Какой бы несовершенной ни была «европейская демократия», традиции её политической культуры несомненно превосходят тоталитарные тенденции певцов «русского мира». Победа над Российской империей может дать шанс на изменения в регионе. В ином случае ждёт нас действительность, описанная ровно сто лет назад в повести Евгения Замятина «Мы».

Maciej wy: Немного изменю перспективу: помощь сражающимся в защиту своих домов (т.е. украинцам) является наивысшим уровнем того, чем мы занимаемся в других сферах, таких как защита локальной среды, парков, лесов, рек, фабрик (от входа ЗОМО или ликвидации), деревень от промышленных выселений, старых районов или домов от застройщиков – только степень защиты иная. Схемы действий пацифистов перед Второй мировой, скорее всего, были сильно насыщены иерархизированной политикой, даже если это была профсоюзная политика. Левые тогда были втянуты в сложную международную зависимость, особенно партийную, чего лично я сейчас не могу понять.

В нынешней дискуссии о войне в Украине не хватает также вопроса о том, что дала анархистам поддержка Чечни, сражающейся против России, и не правда ли, что люди, которые своими действиями приводили к расшатыванию Российской империи, хоть немного были правы²¹.

²¹ Я. Валушко, М. Куржинец, Р. Яцковский, Чечня... за что, чёрт возьми?

Леон: Упомянутый в вопросе слоган «это не наша война!» ассоциируется скорее с националистическим движением в Польше, чем с анархистами. Я не согласен также с тезисом, что анархисты в Польше принимают такую позицию, разве что кроме нескольких групп, презентующих подход, критикующий сущность войны, либо пацифистскую позицию. Определённое большинство активно или посредственно включилось в действия, имеющие целью поддержку украинского общества. С первых дней войны анархисты, связанные с АЧК-Галиция в Жешуве и Кракове, начали действия, чтобы создать логистическую базу около границы. Очень быстрый отклик также поступил от команд «Еды вместо бомб», которые поселились вблизи границы и предоставляли горячую еду, напитки и материальную поддержку тысячам убегающих через програнпереходы в районе Подкарпатья. Действия локального АЧК, кроме поддержки на границе, перевозки и заселения убегающих родственников, начали принимать также более долгосрочный характер. Создание логистической базы, включающей в себя большой склад, дом для всех нуждающихся в ночлеге и автомобили для перевозки, имело целью дальнейшую организацию логистической сети для транспортировки гуманитарной помощи и оборудования для анархистов-добровольцев. Были налажены контакты с дружественными анархическими коллективами в Польше и Европе, на созданный склад начали принимать массу транспортных пересылок с помощью. Международные контакты очень помогли в логистической поддержке созданных на территории Украины анархических и антиавторитарных групп. К неформальной сети помощи подключились с самого начала как минимум АЧК-Варшава, No Borders Team, 161 Crew, как и множество международных коллективов и отдельных личностей, которые начали использовать базу АЧК в Подкарпатье. Двинулись грузы на Бучу, Киев, Львов, Николаев и Харьков. В последнее время были также поездки в Гуляйполе и Бахмут. Появилось также сотрудничество между польскими анархистами и Rescue Rangers и TacticAid, где форма взаимодействия приняла новое обличье. Можно ещё разглагольствовать о проделанной работе, но на подведение итогов ещё будет время.

Возвращаясь к вопросу, позиция тотально пацифистская, кроме высоких принципов, не может быть навязана анархическому движению как единственно верный путь. Война — это очевидное зло, которое несёт с собой только смерть и разрушение. Но в момент кризиса личность и общество имеют право защищаться. Встречаются упреки, что анархисты, сражающиеся в структурах украинской армии, предали свои идеалы, присоединившись к иерархичным структурам армии и государства²². Это определённо был трудный выбор для сражающихся, но создание «анархических отрядов» не было возможно, кроме возникшей на короткий момент автономии в начале войны в структурах территориальной обороны. Ведение современной войны

Дискуссионная панель. Обсуждение: Яны Валушко, Марек Куржинец и Роджер Яцковский, <https://pl.anarchistlibraries.net/library/jany-waluszko-marek-kurzynieci-roger-jackowski-czeczzenia-po-jaka-cholere>, март 1998, THE ANARCHIST LIBRARY, [доступ 30.08.2023].

²² О том, как происходит исчезновение официальных иерархий в войсках, воюющих в Украине, мы можем узнать из очень интересного интервью, взятого Коллективами Солидарности у участниц Воздушной Разведки, в которую входят харьковские анархистки: Коллективы Солидарности, <https://www.youtube.com/watch?v=1qRbq99kgJo>, 18.03.2023, YOUTUBE, [доступ 30.08.2023].

с использованием современных технологий, где необходимо сопротивляться такой силе, какой является (или недавно являлась) Россия, не представляется на данный момент возможным без использования украинской армии и помощи, исходящей из других стран. Были и другие моменты в истории человечества, когда анархисты или социалисты сражались, используя военные структуры. Так было во время Второй мировой войны, когда в рамках подпольных структур имело место сотрудничество с армией или подпольным правительством. Также во время Варшавского восстания отряды синдикалистов вошли в структуры Армии Крайовой. Эти сравнения — лишь какой-то небольшой фрагмент общей картины, ведь в разные времена иные и возможности, и сила действия, но упрекать анархистов, гибнущих в Украине, в предательстве своих идеалов, на мой взгляд, ошибочно и несправедливо в отношении тех, кто с оружием в руках стоит в защиту своих близких.

Часть II

Анджей Клись: Динамика социальных движений переживает определённые критические моменты, симптомом которых является утрата естественной, как может показаться, способности к дискуссии внутри самого движения. Феномен появления узкой группы или отдельной личности «лидера», который закрепляет свою позицию духовного, интеллектуального, формирующего мнение «авторитета», может привести к тому, что со временем вокруг «лидера» останутся только те, для кого дискуссия не имеет значения. А «лидер» питается иллюзией безусловной поддержки, теряя связь с реальностью.

Вторым важным явлением, осознанным или нет, кажется переоценка, в соответствии с которой организация становится самоцелью, а не инструментом для достижения этой цели. Такая организация как инструмент терпит неудачу в столкновении с вновь обретенной реальностью. Привязанность к инструменту настолько сильна, что его изменение или замена на другой воспринимается как атака на саму организацию. Это ловушка, в которой критика организации неверно истолковывается как критика идеи. В данном случае организация является воплощением идеи, и очень быстро возникает аргумент «кто не с нами, тот против нас». Такая позиция не оставляет места для дискуссии.

Потеря контакта с реальностью препятствует реальному влиянию на неё. Отсутствие реального влияния заставляет занимать определённую оборонительную позицию, удобную и представляемую как единственно рациональная и единственно возможная. Отсутствие дискуссии пытаются оправдать правом на разные мнения, в то же время попытки противостоять этим мнениям рассматриваются как необоснованная атака на «лидера», «организацию = идею».

Как вы считаете, могут ли упомянутые процессы лежать в основе всё более заметного «отсутствия внутренней дискуссии» в польской анархической среде? Или они являются результатом других явлений? Можете ли вы попытаться поставить диагноз/определить их? Или они не имеют отношения к анархическому движению?²³

Spielverderber: «Куль авангарда» явно присутствует в современном польском анархическом движении. Нетрудно указать на примеры такого функционирования, заклеить их или подвергнуть критике. Однако я хотел бы сосредоточиться на причинах этого явления, которые я смог наблюдать в ходе своей деятельности в различных группах. К этим причинам я бы субъективно отнёс:

- Отсутствие чётких критериев приёма в группу и их стандартизации, если у группы есть отделения, секции. Отсутствие требований к новым членам, отсутствие достоверной информации о правилах, целях и методах группы, а также о том, как покинуть группу или быть исключённым из неё. Очень часто новые члены не получают этой информации, поэтому они не могут функционировать в группе, не знают, чего группа от них ожидает, и, как следствие, занимают безопасную пассивную позицию, не идентифицируют себя с группой, не способны быть её полноценными представителями. Следствием этого является пассивность, завышенные ожидания, непонимание политической природы, способа и

²³ Речь идёт о таких явлениях, как «Куль авангарда», «Куль партии» и «Бетонирование», относящихся ко всем формам общественно-политической организации, а не только к политическим партиям, и наблюдавшимся, в частности, в коммунистических партиях.

методов функционирования, отношение к движению как к приятельскому кругу и, всё чаще, как к «терапевтической» группе для решения многочисленных проблем, от которых страдает человек. Немало и тех, кто видит анархизм как способ проведения досуга, удовлетворения культурных, спортивных, хобби-коллекционерских или кулинарных потребностей. Это вызывает у некоторых людей пассивное ожидание лидера, артиста, воспитателя, терапевта, тренера, босса или мастера. В то время как условия вступления иногда сформулированы, а круг обязанностей, ответственность, отношение во время участия часто неясны в моменте, то способ выхода из группы обычно вообще не имеет процедуры. Поэтому часто возникает ситуация, когда одни участники не знают, находятся ли они уже в группе, другие не знают, что они делают в группе, а третьи уже де-факто находятся вне группы, но не считают нужным сообщить своим бывшим товарищам о своём уходе.

- Бездействие «вовлечённых» объясняется незнанием, стеснительностью, нехваткой времени, недопомоганием или выгоранием; застоем, установкой на ожидание перемен, импульсивностью, рассеянностью лидера.
- Требования к группе, согласно которым она должна заботиться и опекать человека, бороться за его внимание, пытаться быть привлекательной или всё больше конкурировать с коммерческими формами развлечений.
- Непонимание природы, цели и задач группы или даже попытки перенаправить её в сферу интересов человека. Неадекватность ожиданий.
- Отношение, которое подчёркивает только практические, основанные на задачах действия, игнорируя и дискредитируя дискуссии как форму скучной теории.
- Врождённая или выученная беспомощность, отсутствие самостоятельных действий, критического мышления, ожидание приказов и, в случае конфликта, его разрешения.
- Вовлечённость в чрезмерное количество групп и инициатив, часто со взаимоисключающими целями, и ожидание, что кто-то извне примирит эти противоречия. Проблема противоречивых интересов между различными сферами деятельности, а также противоречивых иерархий лояльности к различным идеям, ценностям. Потребность в авторитетах.
- Отношение к классикам, канонам как к доктрине, попытка воссоздать исторические группы, потребность в модераторе, хранителе традиции, своего рода мастере игры.

Вышеупомянутые наблюдения показывают, как закладывается почва, фундамент, на котором затем возникают лидерские или даже авторитарные установки. Приведённые выше примеры показывают, как часто выглядит среда, обстановка, в которой возникает лидер или лидерская группа. Я хочу сказать, что феномен лидерства также

может быть результатом пассивности других участников, а не стремления лидера или группы к власти; именно отношение других часто толкает людей на определённые роли и не позволяет им уйти/вернуться с них, потому что никто не хочет брать на себя эту функцию.

Очевидно, что существование лидерских групп, авторитарных или слишком амбициозных личностей блокирует свободный обмен идеями внутри движения и разрушительно для самого движения; даже если группа успешно защищается от вождистских тенденций, это часто заканчивается частной враждой или расколом. Для долгосрочных и эффективных действий стоит позаботиться о том, чтобы структура группы была как можно более горизонтальной, чтобы функции дублировались и чередовались как можно чаще, а сознательность участников была достаточно высокой, чтобы вовремя предотвратить появление лидерских порывов. Однако я считаю, что простое устранение лидерских тенденций не приведёт к тому, что до сих пор пассивные индивиды автоматически пробудят свой дремлющий потенциал и вызовут живую, творческую, популярную дискуссию. Скорее, я склоняюсь к распространению различных инструментов, позволяющих свободно обмениваться мнениями, опробовать новые способы и методы принятия решений, ротировать и рассредоточивать функции и задачи, взаимно обучаться различным навыкам и приобретать новые компетенции. Широкомасштабные, нецензурируемые, открытые дискуссии — неотъемлемая часть функционирования движения, как и открытость к различным решениям, тестированию и экспериментам.

Что касается феномена организации как самоцели, то он делает саму организацию всё более статичной, часто оторванной от реальности, неблагоприятной для творчества и любых инноваций. Однако само движение нуждается в определении себя, в постановке рамок, политических границ, в ответе на вопрос, что является ядром движения, сутью его действий, а что — периферией, модой, сиюминутной политической конъюнктурой? Под дискуссией внутри движения я подразумеваю обмен различными взглядами, опытом, техниками и стратегиями и совместную оценку их эффективности, а не общее обсуждение анархизма различными «экспертами», «специалистами», «исследователями», временными симпатизантами или неформальными лидерами и т.д. Я против экстернализации внутренней дискуссии, потому что это превратит движение в объект исследования и питательную среду для всевозможных мудрецов и пророков, позиционирующих себя всегда вовне движения, в качестве представителей или членов (сочувствующих) других движений, партий, идей с иными целями, да и нередко с враждебным отношением к самому анархизму.

Анджей Клись: Помимо гуманитарного аспекта, может ли открытие польско-беларусской границы подобно тому, как это было сделано в отношении польско-украинской границы, разрядить миграционный кризис, вызванный Лукашенко? Может ли это сделать так, чтобы люди, ставшие «живым оружием» для белорусских служб, перестали быть таковыми? Разрушит ли это в какой-то степени планы Минска?

maciej wy: Я не знаю, были ли какие-то конкретные планы у Минска, но мне кажется, что даже гуманное отношение к мигрантам, которым удастся пересечь границу (то есть даже просто не перебрасывать их обратно в Беларусь), не сорвёт эти

планы. После того, как правительство взяло на себя обязательства по таким огромным инвестициям, как строительство стены, я не верю, что можно будет открыть эту границу без серьёзных геополитических изменений. Конечно, это значительно улучшило бы миграционную ситуацию и спасло бы множество человеческих жизней, но у меня сложилось впечатление, что польская миграционная политика (!) на этом участке границы сознательно сильно отличается от политики на границе с Украиной, в плане санкционированных сверху секретных процедур и попустительства бесчеловечным действиям силовых структур, невзирая на закон и обстоятельства. Важно также постоянно подчёркивать, что после пересечения границы, даже нелегального, жизнь мигрантов почти полностью зависит от силовых структур, от конкретных офицеров — последующая судьба целых семей, детей, женщин, стариков, которые могут быть приговорены решением отбросить их к многомесячному заключению в приграничной зоне двух стран, а как итог к последующему насилию, избиениям, унижениям, мошенничеству, воровству и даже смерти. Вдобавок ко всему, те же самые офицеры могут на законных основаниях помогать этим иммигрантам и менять ход их жизни практически в одно мгновение.

После встречи с людьми из АЧК-Беларусь мне пришла в голову одна мысль, связанная с возможной идеей Лукашенко о белорусской границе с Польшей. После массовых протестов в Беларуси в 2020 году многие антиправительственные активисты покинули страну, многие были посажены в тюрьму, но ситуация не была полностью под контролем Лукашенко. Закрытие границы с ЕС руками поляков может быть очень удобным (и безвозмездным!) для белорусского режима — никто из оппозиции не вернётся в страну, их семьи оказались в тюрьме и могут стать жертвами шантажа, логистика помощи сопротивлению затруднена. Режим может продолжать жить с большим комфортом.

Польско-украинская граница, с другой стороны, не является полностью открытой: несколько тысяч или даже десятков тысяч человек, не желающих служить в украинской армии, были отброшены с границы или даже задержаны. Кроме того, границу с Беларусью мы воспринимаем, пожалуй, слишком локально: это в том числе граница ЕС, а такую границу защищают от иммигрантов вооружёнными средствами. Даже Польша участвует в военных миссиях в Турции и на Сицилии, которые, помимо прочего, «контролируют миграционные пути в Европу» и «усиливают присутствие НАТО в этом районе». В Средиземном море работе добровольцев, выступающих в поддержку мигрантов, очень эффективно препятствует итальянское правительство, что приводит к увеличению числа погибших, а Греция хвастается тем, что предотвратила 260 000 пересечений границы.

Анджей Клись: Анархисты и антифашисты, сражающиеся с российскими оккупантами, владеют профессиональными навыками вооружённой борьбы, чего нельзя сказать о движении в Европе, включая Польшу. Заявленное в Украине сохранение всеобщего доступа к оружию также поддерживается анархическим движением в этой стране. Считаете ли вы, что в Польше анархисты должны принять и поддержать требование о всеобщем доступе к оружию?

Леон: Анархист:ки и антифашист:ки в Украине не были готовы к событиям февраля 2014 года. Хотя многие из них принимали участие в уличных протестах и боевых действиях во время Евромайдана в 2013 году, лишь небольшая часть обучалась

стрельбе, тактике или военной медицине. Во время российской агрессии в 2014 году некоторые люди, в основном из антифашистского движения (в том числе сторонники киевского футбольного клуба «Арсенал»), принимали участие в событиях и боролись с российской агрессией с оружием в руках. После окончания боевых действий в Украине сложилось мнение, что подобная ситуация может повториться, только на этот раз Россия может напасть на всю страну. Те, кто получил опыт 2014 года, продолжали тренироваться, ожидая возобновления империалистической агрессии. На самом деле, только после российского вторжения в феврале 2022 года анархисты взяли в руки оружие и начали тренироваться всерьёз. Предстояло многое наверстать, но за очень короткий период времени мы увидели, что антиавторитарные добровольцы начали появляться на самых разных позициях и участках фронта, и к ним присоединились товарищи из разных стран, с большим или меньшим боевым опытом. Такие специализации, как управление боевыми и разведывательными дронами, разведка, работа с миномётами или полевая медицина — лишь некоторые из примеров деятельности, в которой нашли свое место люди с антиавторитарными взглядами. Помимо обучения стрельбе и базовой подготовки, их деятельность требует специальной подготовки. Часть этой подготовки можно пройти в мирное время.

Подобно тому как поощрение боевых искусств или тренировок по самообороне в антиавторитарном движении является положительным аспектом для развития навыков и самодисциплины, так и расширение знаний в области стрельбы, тактики, выживания или тактической медицины — отличный способ повысить свою готовность в кризисных ситуациях. Хотя войны выигрываются не с помощью стрелкового оружия, а с помощью современной техники в огромных масштабах, логистики и снабжения, определённые навыки бесценны во время кризиса. Анархисты, приобретающие опыт в тактических навыках такого рода, могут применять их в самых разных кризисных ситуациях, необязательно на войне. Самое важное здесь, помимо индивидуальных навыков — это командная работа, поддержка друг друга и опора в сложных ситуациях. Война в Украине породила множество вопросов о безопасности и преодолении различных кризисов, а также вызвала большой интерес к тактическим навыкам, стрельбе или тактической медицине. Даже в Польше люди, связанные с анархическим сообществом, проявили интерес к подобным тренировкам. Некоторые группы проводили совместные тренировки, происходил обмен информацией о тактических и спасательных навыках, и возникло желание вместе совершенствовать знания и навыки в этой области. В антиавторитарном движении по всему миру растёт сознательность по вопросу совместных тренингов и обучения, примером тому служат такие группы, как Yellow Peril Tactical, John Brown Gun Club, Soup & Brass, Guerilla Tactical и Medical Self Defence Network.

Что касается моей личной точки зрения на аргументы в пользу владения оружием и либерализации законодательства в этой области, то я считаю, что это вопрос личной ответственности и сознательности. Я сам выступаю за владение оружием, занимаюсь стрельбой и учусь обращению с огнестрельным оружием и считаю, что эти навыки могут быть полезны. В то же время это вопрос самообороны, недоверия к правительственным учреждениям, подготовки к чрезвычайным ситуациям. Вооруженное общество — это противовес государству, обладающему монополией

на применение насилия, а также защита общества от внешних и внутренних угроз. Нежелание левых рассматривать вопрос об оружии и вооружении общества в некотором смысле необоснованно. В то время как парламентские левые готовы отдать свои индивидуальные права, обязанности и свободу государству, которому они безгранично доверяют, радикальные — антиавторитарные левые — должны искать альтернативы и способы самоорганизации и самозащиты в моменты опасности и кризиса. Левые в США признали эту проблему и в значительной степени начали серьёзно относиться к вопросу владения оружием, обучения или наличия собственных тиров. С одной стороны, чтобы защитить себя от организованных и вооружённых ультраправых, с другой — чтобы создать противовес государственной монополии на оружие. Сам Карл Маркс, заботясь о безопасности, независимости и революционном потенциале рабочих, считал, что ни под каким предлогом нельзя реквизировать оружие и боеприпасы, любая попытка разоружить рабочих должна быть пресечена, если необходимо, силой²⁴. Конечно, авторитарные коммунистические государства быстро забывали о таких принципах и разоружали общество, как только приходили к власти. Что касается анархистского требования всеобщего доступа к оружию, то такие голоса звучали в Польше в конце 1990-х и начале 2000-х годов, но должно ли это требование интересовать анархистов сегодня? Некоторые группы в Польше вновь проявляют интерес к теме безопасности и самообороны в анархическом движении и практикуют тренинги в этой области, что говорит о том, что этот вопрос стоит рассмотреть снова.

Анджей Клись: Ты утверждаешь: «Пацифизм хорош, когда он пытается предотвратить войну, но не во время войны». Ты также сравниваешь пацифизм с болезнью. Означает ли это, что ты признаёшь пацифистскую позицию уместной только в мирное время? Если ты проснулся во время войны, пацифистская позиция становится бесполезной. Пацифизм как инструмент должен быть отброшен в пользу винтовки. Если прежняя позиция отрицает нынешнюю, то нынешний инструмент станет полезным только тогда, когда вы научитесь им пользоваться. Возможно, у тебя нет столько времени. Как совместить пацифизм в мирное время с подготовкой к войне? Возможно ли это? Нужно ли просто переболеть пацифизмом и легко ли он лечится? А может его стоит предотвратить и избежать?

Александр Ланевский: Мне кажется, я выразился недостаточно точно. Попробую объяснить, что я имел в виду. Я никогда не любил войну и всё, что с ней связано, хотя мой отец был военным. Мне никогда не нравилась вся военная среда с её правом силы, иерархией и насилием. Я по-прежнему считаю, что как анархисты мы должны стремиться исключить войны из нашей культуры, но я понимаю, что это очень отдалённая перспектива. При этом я сторонник права на владение огнестрельным оружием. Чтобы это было на самом деле правом, а не привилегией. Более того, я бы сказал, что учиться обращаться с оружием и проходить некоторую подготовку было бы полезно уже в школе. Возможно, не в начальной, а, например, в средней

²⁴ J. Miltimore, Why Karl Marx Supported Gun Rights – but Marxists Don't, 08.08.2022, <https://fee.org/articles/why-karl-marx-supported-gun-rights-but-marxists-don-t/>, FREE STORIES, [доступ 30.08.2023].

школе. Ведь и без этого дети смотрят фильмы или играют в компьютерные игры, где использование оружия – привычное явление. Подростки же должны знать, что такое оружие и как им пользоваться, а также как оказывать первую помощь. Для них должны быть организованы курсы выживания. И здесь речь идёт не только об использовании оружия, но и в целом о методиках, которые объясняют, как справиться с ситуацией в экстремальных условиях (ориентирование на местности, поиск пищи, строительство убежищ), которые могут быть вызваны не только войной, но и стихийными бедствиями и т.д. Но здесь важно помнить самое главное: оружие и насилие не должны превращаться в культ. Его нельзя идеализировать и преподносить как святыню. Не идеальный, но интересный пример – Швейцария, где военная служба вроде как обязательна, но растянута на долгие годы. И это относительно пацифистская страна, поскольку нейтральная. Проходя такую службу, если вы не хотите стрелять во время войны, вы будете знать, как себя вести, где прятаться и как справляться. Чтобы не проснуться однажды ошеломлённым. На войне важно не только оружие – медицинская помощь, логистика, разведка... Знание хотя бы некоторых из этих приемов – вот о чём я говорю. Возможно, я слишком легкомысленно отношусь к термину «пацифизм», потому что под этим словом скрывается целый ряд различных идеологий. Для меня важно не прославлять войну, но и не прославлять пацифизм любой ценой. Это как в боевых искусствах: владея различными техниками, вы используете их для самозащиты. Вы не должны быть жертвой, вы не должны быть застигнуты врасплох, вы не должны сдаваться, но вы также не должны нападать первым, а тем более на более слабого противника. Вы делаете всё, чтобы не вызвать ненужный конфликт, но в случае конфликта вы делаете всё, чтобы победить. Не знаю, стали ли мои слова понятнее.

Александр Ланевский: Кто и на каком основании должен определять такие термины, как «беженец», «мигрант», «перемещённое лицо» более «универсальным» образом? Брюссель, Международный суд или социологи, активисты? Я спрашиваю, потому что как-то не доверяю этим структурам и вижу, что пресловутые «права человека» якобы универсальны, но не работают так, как должны.

Анджей Клисъ: Я не верю, что Международный суд, Брюссель или любой другой институт справится с этой задачей. У них не только нет необходимых инструментов для реагирования на быстро меняющуюся реальность, но и нет намерения создавать такие инструменты. В крайнем случае, они могут принять предложенные решения, опасаясь дестабилизации, подобно тому, как отдельные страны приняли предложение Фритьофа Нансена.

После Первой мировой войны в Европу прибывали насильственно лишённые гражданских прав люди, чаще всего в результате ленинского декрета, а также граждане стран, прекративших своё существование, и лица без гражданства. Европейские государства опасались дестабилизации. Они не были готовы к притоку такого большого количества послевоенных беженцев. В свою очередь, они принимают решение, предложенное Фритьофом Нансеном, согласно которому с 1922 года беженцам выдается специальный международный документ, обычно называемый «нансеновским паспортом». Сама идея этого документа, разработанная Нансеном, стала ответом на непредвиденные обстоятельства и беспомощность отдельных правительств. Это

решение было принято сначала 39, а к 1943 году 52 странами. Выдача этих паспортов действовала до 1938 года.

После Второй мировой войны преемником паспорта Нансена стал Женевский проездной документ (Женевская конвенция), который, несмотря на признание его большим количеством стран, значительно ограничивает права его владельцев. Отдельные страны, подписавшие Женевскую конвенцию, признают ЖПД. В то же время многие из них непоследовательно применяют положения конвенции или законодательно ограничивают их.

Женевскую конвенцию нарушает не только российское государство-агрессор. Сегодня отдельные страны Западной Европы всё чаще открыто игнорируют её положения. Права обладателей нансеновских паспортов в целом были шире тех, которые предоставляются европейскими институтами и странами сегодня. Эта тенденция, похоже, постоянно усугубляется.

На мой взгляд, важным отступлением от этой тенденции стал особый статус, предоставленный беженцам из Украины «спецзаконом»²⁵. Хотя он предоставляется только определенной группе – жителям Украины, спасающимся от войны – он значительно облегчает, упрощает и ускоряет многие процедуры. Для меня очевидно, что упомянутые решения не являются ни идеальными, ни универсальными. Однако наиболее значимым в данном контексте представляется не само содержание закона, не сложность его обоснования, а его отклонение от европейских тенденций.

Как и ты, я не доверяю «этим структурам». Я считаю, что предложения Нансена были больше направлены на беженцев как на равных людей, чем нынешние. Я рассматриваю «беженцев» как целостное явление, а связанные с ними проблемы – как задачу, которую нужно решить. Для европейских институтов проблемой являются беженцы, а не само «беженство» и его причины. Это касается и тех политиков, которые провозглашают себя «самыми открытыми из открытых».

Признание статуса лиц без гражданства кажется достойным внимания, но даже этот инструмент может быть использован со злым умыслом, когда статус предоставляется принудительно, заставляя людей искать убежище. ООН также ставит своей конечной целью ликвидацию безгражданства и, посредством предоставления гражданства, привязку человека к государству.

Я думаю, что в настоящее время международному сообществу не хватает воли для создания решений в духе Нансена, а действительность ставит перед нами всё более сложные проблемы. В будущем они, несомненно, будут еще сложнее.

Я не знаю готового решения на сегодняшний день, я вижу интересные примеры, в которых, как мне кажется, стоит искать вдохновение. Создателем паспортов Нансена был один человек, а не международные организации или государства.

Александр Ланевский: Не кажется ли тебе, что польские анархисты (по крайней мере, те, что были в конце 1990-х и начале 2000-х годов) слишком идеализировали борьбу Ичкерии против России? Можно ли сравнить чеченскую войну с тем, что происходит в Украине?

²⁵ Закон от 12 марта 2022 года «О помощи гражданам Украины в связи с вооруженным конфликтом на территории Украины», <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20220000583>, 12.03.2022, INTERNET SYSTEM OF LEGAL ACTS, [доступ 05.09.2023].

maciej wy: Прошло много времени, но в моей памяти тлеют три основных аспекта этой акции поддержки сопротивления Чечни против России. Во-первых, сопротивление российскому империализму и чёткое заявление о том, что Москва была агрессором и что жертвами этой войны стали в том числе и мирные жители. Во-вторых, определённое понимание того, что Чечня не была типичным государством – там воевала не только регулярная армия, но и партизаны, а сама социальная структура сильно отличалась от привычной нам европейской, была основана на родах и кланах. Это, безусловно, интриговало анархистов – возможность жить по-другому, вне или без структур государства, которые нам известны. Третьим моментом был порыв поддержать сообщество, защищающее свои права, возможно, чуждые нам, но мы считали, что Россия отнимает у них право на самоопределение, которое для нас, тем не менее, очень важно. Анархическое движение, кстати, оказывало поддержку многим сообществам, с которыми у него не было прямых идеологических связей: меньшинствам, которые просто отстаивали свои права, ущемляемые или игнорируемые властью или капиталом. Мне кажется, анархисты осознавали, что Первая чеченская война (и тем более Вторая) не имела ничего общего с анархизмом, а, скорее всего, была просто символом борьбы за самоопределение и вооружённого сопротивления против Российской империи, последние солдаты которой покинули Польшу только в 1993 году, всего за 3 года до начала войны в Чечне. (началом Первой войны в Чечне считается 11 декабря 1994 года – *прим. переводчика*)

Я не думаю, что можно сравнивать чеченский и украинский конфликты, хотя бы по причине принадлежности этих регионов к разным религиозным пространствам и способам ведения боевых действий, что создаёт огромную разницу. Мне также неизвестно о добровольцах из Европы, которые бы отправились на чеченский фронт.

Александр Ланевский: Как ЕС сможет договориться о «равной европейской социальной политике и минимальной заработной плате на всей территории Союза»? Не кажется ли тебе, что это слишком абстрактное требование, ведь они не могут договориться, например, даже о единой валюте. Как убедить такие державы, как Германия, Франция или страны Бенилюкса, «поделиться» своими капиталами? Или Швейцарию, где даже другим европейцам нелегко обосноваться. И вообще, как «унифицировать» политику ЕС в то время, когда в самой Европе существует традиция иерархии государств?

Spielverderber: Отвечая вкратце на поставленные вопросы: ЕС часто «декларирует реальность», так что с таким же успехом он может ввести закон о равной социальной или минимальной заработной плате. Я не считаю это требование абстрактным, наоборот, считаю, что оно касается фундаментальных вопросов, это следует, например, из Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах²⁶. Что мне кажется абстрактным, так это дальнейшее развитие и интеграция такого образования, как ЕС, где все права и свободы, кроме социальных и экономических, унифицированы. Независимо от того, превратится ли ЕС в Соединенные Штаты Европы, Европу отечеств или централизованное супергосударство,

²⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, открытый для подписи в Нью-Йорке 19 декабря 1966 года, <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19770380169>, 03.03.1977, INTERNET LEGAL ACTS SYSTEM, [доступ 30.08.2023].

ему придётся решать эту проблему. Рискну предположить, что в долгосрочной перспективе отказ от национального эгоизма в пользу равномерного развития всего пространства может оказаться экономически более выгодным для ЕС в целом. Я не знаю, как заставить страны «старой Европы» поделиться богатством, кроме как убедить их в том, что это в их интересах.

Что касается права массово селиться на привлекательных территориях с очень маленькой площадью (Швейцария) в отрыве от национальных и экономических критериев, то это очень интересная проблема на стыке этики, экономики и политики. У меня нет готовых рецептов, как её решить, но мне было бы любопытно почитать о таких концепциях. Как совместить свободу передвижения и расселения с реалиями небольшой территории и ограниченными ресурсами места?

Александр Ланевский: Разве это не правда, что интернационализм основан на идее «дружбы народов», а сама субъектность этих «народов» не ставится интернационалистами под сомнение? В то время как националистическое мировоззрение конфронтационно, поскольку сосредоточено на узкогрупповых интересах «нации», которые неизбежно вступают в конфликт с интересами других «наций». Само разделение человечества на «нации» обрекает его на определённую конфронтацию, которую невозможно преодолеть, оставаясь в рамках «национального» дискурса (а интернационализм остаётся в этих рамках, что следует из самого слова). Космополитизм же ориентирован на формирование максимально широкого безнационального сообщества людей, то есть на полное преодоление национализма. Конечно, такое общество тоже не будет свободно от конфликтов, но эти конфликты будут происходить уже в другой, ненациональной плоскости. Не могли бы вы подробнее остановиться на определении интернационализма?

Леон: «Рабочие не имеют отечества», – так провозгласил Карл Маркс в «Манифесте коммунистической партии», а его тезис свидетельствовал о том, что в перспективе истории не нации являются субъектами, а классы и их конфликт интересов. Принадлежность к эксплуатируемому классу – рабочим или крестьянам – вот что должно объединять и сплачивать людей, а не их расовая или национальная принадлежность. Маркс никогда не разрабатывал теорию нации сколько-нибудь глубоко, делая ставку на создание классовой теории и материалистический взгляд на историю. Несмотря на это, Маркс придерживался практического подхода к этим вопросам и поддерживал национально-освободительную борьбу стран, подчинённых империям того времени, как, например, в случае с оккупированной Ирландией или Польшей. Михаил Бакунин и другие революционеры того времени придерживались похожего подхода. Несмотря на критику национализма и патриотизма как иллюзии единства, навязанной властью для маскировки классовой борьбы, сама концепция нации не была главной заботой революционеров и теоретиков, что, к сожалению, могло способствовать постоянному возвращению к национальным вопросам или использованию «национальной составляющей» коммунистическими режимами в XX веке²⁷.

²⁷ К. Яскуловский, Классы, нации и расы. Размышления Карла Маркса и Фридриха Энгельса о национализме, «Вопросы национальности» 2004, № 24-25, с. 69-89, https://www.researchgate.net/publication/312445348_Klasy_narody_i_rasy_Karola_Marksa_i_Fryd [доступ 05.09.2023].

Несмотря на попытки анархистских мыслителей, таких как Пьер Ж. Прудон и Михаил Бакунин, обратиться к этой проблеме, она периодически всплывает вновь, когда власти используют национальную риторику для разжигания этнических конфликтов или империалистических войн. Как видно на примере российского вторжения в Украину, национальный вопрос также возник по обе стороны конфликта. Российское государство использует все методы пропаганды, чтобы создать миф о «Великой России», которая находится в состоянии «осаждённой крепости» со стороны прогнивших сил Запада и должна бороться за выживание, чтобы остаться сильной нацией на карте мира. Патриотизм снова подчинён и насильно отождествлён с институтом государства, а тот, кто не поддерживает риторику правительства, считается предателем нации. С другой стороны, у нас есть Украина, которая защищается от имперского нападения. Здесь тоже прибегают к патриотизму, но во многих случаях он возникает спонтанно и в основном является признаком борьбы с оккупационной властью, стойкости и единства в трагические моменты. Конечно, и здесь из шкафа вылезли демоны в виде национализма или культа Бандеры, но национальный вопрос приобрёл во многом интернациональный характер, ведь в рядах украинских частей сражаются еврейские меньшинства, беларусы, поляки, чернокожие граждане США или Великобритании. Это лишь один пример. Международные волонтёры со всего мира путешествуют с гуманитарными грузами, спасают людей и животных из опасных районов, организуют сборы, принимают беженцев. «Сегодня вы все украинцы», – эти слова, сказанные в адрес волонтёров и добровольцев, свидетельствуют о том, что важнее всего «дело», вокруг которого мы объединены, а не биологическая или географическая принадлежность к «нации».

Здесь мы снова возвращаемся к вопросу о том, что же такое нация на самом деле. Является ли она чем-то универсальным, естественным, субстанциональным и биологическим, как провозглашают националисты, или же это, скорее, нечто условное и временное. Хотя Бакунин, например, писал, что «(...) национальность – это исторический факт, который, как и другие реальные и безобидные факты, имеет право на всеобщее признание», и считал себя «патриотом всех отечеств», сам факт признания существования национальной идентичности не мешает нам видеть в человечестве высшую форму объединения людей, где общие цели и потребности объединяют человечество в совместном действии без культивирования национальных различий и разделений²⁸. Поскольку мы не рассматриваем нацию и культуру как биологические монолиты, а рассматриваем эти явления в перспективе постоянных изменений, подверженных трансформации и изменчивости их внутренних факторов, то принятие нации или культуры как условной ценности необязательно негативно влияет на их восприятие в связи с анархическими целями освобождения общества. Поскольку целью является освобождение всего человечества от власти и экономической эксплуатации, в этом направлении можно идти разными путями в зависимости от местных и культурных условий. Существование и воспитание в культурах, основанных на национальной идентичности, формирует матрицу для

²⁸ М. Букчин, Национализм и «национальный вопрос», 05.03.1993, THE ANARCHIST LIBRARY, <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-nationalism-and-the-national-question>, [доступ 05.09.2023].

восприятия реальности, но поиск общих целей и платформ для взаимопонимания с другими людьми, из других культурных или географических слоев, при устранении шовинистических, ксенофобских и расистских установок, является первым шагом к анархическому интернационализму. Общие цели и интересы рабочего класса или отдельных людей, стремящихся к максимальной свободе, не исключают расового, этнического или культурного разнообразия. Главное – это совместимость целей.

Интернационализм, основы которого в анархической мысли заложил Прудон, а продолжил Бакунин, провозгласил, что главным принципом может быть только то, что является универсальным и общим для всего человечества. Национальность не отвечает этим условиям. Если выйти за рамки национальности, то свобода и справедливость – это те универсальные ценности, которые должны выходить за рамки национальных интересов и объединять людей в совместных действиях по их реализации. Интернационализм направлен на объединение людей в общей борьбе в рамках универсальных ценностей и за конкретные, материальные достижения для всех отверженных и порабощённых²⁹.

Космополитизм как идея, зародившаяся в Древней Греции, подразумевает, что все мы являемся гражданами мира. Что именно означают слова Диогена: «Я – гражданин мира»? Означает ли это, что мы должны избавиться от всех территориальных, культурных и политических границ, которые нас разделяют? Хотя такое единство представляется идеальной целью, его реализация кажется далеким будущим, и при нынешнем положении дел интернационалистский подход представляется наиболее рациональным. Упразднение наций в космополитическом видении не означает немедленного освобождения человечества. Можно представить себе единую мировую глобализованную империю, в которой нет наций и культурных различий, но есть централизованная авторитарная власть и иерархия, а объединённые индивиды, несмотря на отсутствие национальных или этнических различий и конфликтов, продолжают подвергаться эксплуатации и иерархическому контролю. В этом случае космополитизм может возникнуть как часть глобализованного капитализма. Конечно, это лишь набросок, и ответ на поставленный вопрос содержит ещё больше вопросов, поэтому стоит задуматься и проанализировать эти проблемы в новом обличье.

С анархистской перспективы стоит также обратить внимание на вопросы укоренённости и территориальности. Самоопределение и самоуправление, в отличие от изоляционизма, также являются позитивными аспектами, которые могут существовать среди культурных, территориальных или национальных социальных групп. Добровольные формы укоренённости, будь то в локальных, культурных или мировоззренческих сообществах, в той мере, в какой они являются свободным, сознательным и индивидуальным выбором человека, противостоят националистической или фашистской идее превосходства нации над личностью, где государство и нация практически идентичны, а человек должен быть заранее приписан к ним, обязан

²⁹ П.-Ж. Прудон, *Beyond Nationalism and Territorialism* (1851), THE ANARCHIST LIBRARY, <https://www.panarchy.org/proudhon/revolution.1851.html> и М. Бакунин, *The International Movement of the Workers*, THE ANARCHIST LIBRARY, <https://theanarchistlibrary.org/library/mikhail-bakunin-the-international-movement-of-the-workers>, 22.05.1869, [доступ 05.09.2023].

им и является лишь составным элементом более высокого, национального, порядка. Чувство принадлежности к региону, деревне или городу, чувство ответственности за это место не обязательно должно быть чем-то принципиально негативным и противоречащим идеям свободы. Несмотря на то, что с тех пор минуло немало времени, самый здравый подход к интернационализму и нации, как мне кажется, заключён в словах анархиста Рудольфа Рокера:

«Синдикалисты отвергают все произвольные политические и национальные границы; они рассматривают национализм исключительно как религию современного государства и принципиально отвергают все попытки достижения так называемого национального единства, за которым, однако, стоит лишь власть класса собственников. Синдикалисты признают лишь различия регионального характера и требуют для каждой национальной группы права решать свои дела и особые культурные потребности в соответствии со своими обычаями и предрасположенностями в солидарном взаимопонимании с другими группами и народными объединениями»³⁰.

Леон: Станет ли Украина после победы в войне островом неолиберальных экономических экспериментов и можно ли противостоять такому направлению?

Анджей Клись: Я убежден, что она станет островом не только экономических, но и социальных экспериментов. В какой степени она будет неолиберальна и будет ли он неолиберальна вообще, зависит от многих факторов. Под победой я понимаю вытеснение оккупационных войск со всей территории Украины вместе с Крымом, и я буду ссылаться на эту перспективу.

Неолиберализм ЕС

От экономического потенциала и устойчивости Украины зависит, будут ли к ней относиться как к объекту или она завоюет свою субъектность в отношениях с западными экономиками (например, с Германией, которая по-прежнему является сильнейшей экономикой ЕС). Согласно практике старого ЕС, к странам бывшего Восточного блока относились как к тем, у кого нет властного значения, то есть права на собственную интерпретацию происходящих социально-экономических явлений. «Превосходство» или, если хотите, интерпретационная «власть» была зарезервирована за такими странами, как Германия или Франция. Либо напрямую, либо через европейские структуры, которые навязывали «единственно верные неолиберальные решения» странам-кандидатам. Полномасштабная война показала лицемерие такой политики. Подлизывания Олафа Шольца и Эммануэля Макрона в адрес Владимира Владимировича Путина, а также уклонение западноевропейских стран от санкций не придают уверенности в правильности их неолиберальной политики. Поэтому я считаю, что внедрение неолиберальных экономических моделей в европейском стиле в Украине маловероятно. Они жестоко дискредитировали себя.

³⁰ Д. Неллес, Интернационализм в треугольнике трёх стран. А. Т. Пилярский и анархо-синдикализм в Верхней Силезии в межвоенный период, перевод Малгожаты Важиньской, «Атака» 2004, № 8, с. 21-26, https://cia.media.pl/internacjonalizm_w_trojkiacie_trzech_krajow_a_t_pilarski_i_anarchosyndy 18.02.2009, CENTRUM INFROMACJI ANARCHISTYCZNEJ, [доступ 05.09.2023].

Украинский неолиберализм

Позиция сторонников неолиберализма в украинском обществе как до начала полномасштабной войны, так и сейчас кажется мне сильной. Однако теперь это уже не единственное видение будущей экономической системы Украины, поскольку социальные концепции, похоже, артикулируются не менее сильно и не менее решительно.

На мой взгляд, неолиберализм не имеет эффективных механизмов удовлетворения социальных потребностей во время войны и в период восстановления разрушенной войной страны. Не важно будут ли неолиберальные политики продвигать различные разновидности «реальной политики», согласно которой «разумно сдаться и продолжать вести бизнес», либо они адаптируют экономику к военному режиму, согласно которому «на войне можно делать деньги».

Олигархия

Мне кажется, что возврата к олигархической системе не будет, поскольку её представители в большинстве своем воспринимаются украинским обществом как предатели или трусы.

Неевропейские [не ЕС] модели неолиберализма

Отказ от дискредитировавших себя моделей европейских экономико-политических систем не означает отрицания других моделей неолиберализма. Несмотря на появление возможностей для более социальных экономических решений, всё ещё существует серьёзная угроза со стороны западного неолиберализма, который будет клеймить своих оппонентов как зомби-наследников СССР, как это было в 1990-е годы в так называемых странах бывшего Восточного блока.

Неолиберализм проявляет себя и как глашатай мира любой ценой, и как сторонник военной экономики, и как «строитель» разрушенной страны. Он приспосабливается к любым условиям, ища способ получить прибыль. Последняя роль кажется наиболее привлекательной для многих экономических концепций, поскольку предвещает инвестиционный бум. Мотивацией для восстановления Польши после Второй мировой войны было скорее чувство долга, приложение усилий к созданию условий для развития самого общества и удовлетворения его потребностей, а не просто вера в зарождающуюся коммунистическую систему. Я убеждён, что если бы экономико-политическая история Польши сложилась иначе, общественный энтузиазм был бы столь же силён, потому что его источником является общество, а не официальная идеология. Осознание этого необходимо для того, чтобы уметь защищаться от попыток лишить общество заслуг, связанных с будущим восстановлением страны, и приписать (присвоить) их «лучшим экономическим системам».

Населению разорённой войной страны неолиберализм предлагает своё видение мира, обещая «удовлетворение всех социальных потребностей». Это маркетинговая уловка. Словесное послание содержит то, что хочет услышать измученное войной общество. Оно соблазняет, чтобы создать условия для экономического принуждения.

Понимание произнесённых и услышанных слов различно, и оно не раскрывается до тех пор, пока не произойдёт соблазн. Неолиберализм по задумке стремится сократить круг «социальных потребностей», утверждая, что некоторые из них ошибочно воспринимаются обществом как важные или как настоящие «социальные потребности». Он берёт на себя право превосходства своей собственной интерпретации реальности над интерпретацией общества и отдельных людей. Оно предлагает правительствам и государственным институтам взять на себя решение социальных задач, переформулировав значение «социальных потребностей» и их масштаб. В крайнем случае, государство становится посредником между гражданами и частными поставщиками услуг³¹.

Судьба того, какой будет будущая экономическая система Украины, уже начала определяться. Какой она будет, зависит от силы аргументов, предложения конкретных социальных решений и способности защититься от критики со стороны неолибералов. Также важно дать чёткий сигнал, что построение будущего украинского общества не может базироваться на постсоветских или неолиберальных основах. В зависимости от того, насколько удачно получится реализовать этот замысел, в той же степени он будет привнесён и в другие страны Восточной Европы.

Украина как благоприятная почва для кооперативов

В экономической системе, где частные предприятия доминируют над государственными, растёт поддержка идеи кооперативов. Рабочий потенциал соизмеряется со свободным рынком, на котором кооперативные предприятия вынуждены конкурировать с частными на основе неолиберализма.

В экономической системе, где государственные предприятия доминируют над частными, поддержка кооперативной идеи не растёт. Мотивация работников к изменению правил трудовых отношений низка, что вызвано нежеланием перенимать у государства на себя коллективную ответственность за своё рабочее место.

В условиях неэффективности государственной системы труда и невозможности её комплексной замены частным предпринимательством кооперативы представляются наиболее эффективной формой организации труда. Необходимость строить с нуля на руинах представляется хорошей почвой для развития кооперативов в послевоенной Украине.

Я понимаю концепцию рабочего кооператива как предпринимательскую организацию, управляемую на принципах прямой демократии, как отдельный сектор экономики, стоящий в оппозиции к частным и государственным предприятиям. В то же время индивидуальное предпринимательство и другие формы организации труда, основанные на принципах прямой демократии, не противопоставляются кооперативам. Кооперативы, понимаемые как третий, независимый экономический сектор, можно встретить, например, в Италии.

³¹ Примером тому может служить бельгийская система здравоохранения.

Здравоохранение – Польша

Экономические преобразования в Польше после 1989 года, так называемая «шоковая терапия», которой подверглось польское общество, затронули все сферы жизни. В том числе и здравоохранение, которое, однако, в большинстве своём не было приватизировано, как планировали в то время почитатели капитализма. Этот нереализованный сценарий – история попытки превратить государственную систему здравоохранения, социалистическую, в частную систему здравоохранения, неолиберальную. Бесплатное обслуживание включало в себя не только консультации и диагностику, но и бесплатные лекарства в больнице и, как правило, частичную компенсацию лекарств вне больницы. Эти льготы должны были быть сокращены или отменены. Медицинские услуги должны были стать платными – либо напрямую, либо при посредничестве частных страховых компаний.

Здравоохранение – Украина

Решения украинской системы здравоохранения практически не изменились со времен СССР до 24 февраля 2022 года. В отличие от Польши, пациент, попавший в больницу, имел право на койку, осмотр, медицинскую консультацию и медицинское обслуживание, но лекарства уже были платные. На практике родственники пациента получали рецепт, по которому шли в аптеку и покупали лекарства, а затем передавали их в больницу. Стоит добавить, что украинское государство не возмещало стоимость лекарств, поэтому цены были исключительно коммерческими. Такая практика была распространена по всему Союзу Советских Социалистических Республик. Сегодня можно с уверенностью сказать, что эти решения были более неолиберальными, чем те, которые использовались в Польше до и после 1989 года. Я привел этот пример, чтобы показать, насколько по-разному некоторые системные решения могут быть признаны неолиберальными.

После 24 февраля 2022 года украинская система здравоохранения не смогла бы справиться с нуждами и без того в основном небогатого населения, если бы не международная солидарность и конвои гуманитарной помощи. Последние стали незаменимыми. А оплату лекарств в больницах отменили. Решится ли украинское правительство после войны вернуться к старым постсоветским и одновременно неолиберальным решениям? Согласится ли с этим общество?

«Мы никогда не отдадим захваченное оружие»

Создание добровольческих батальонов территориальной обороны ещё в 2014 году было продиктовано, помимо прочего, нежеланием многих «добровольцев» вступать в ряды Национальной гвардии и подчиняться правительственному контролю³². Уже тогда было ясно, что добровольцы не захотят разоружаться, когда этого потребуют власти. Поэтому эти подразделения были формально присоединены к Вооруженным

³² Р. Гончаренко, Поддержка Украины, 20.03.2014, DEUTSCHE WELLE, <http://www.dw.com/en/can-the-national-guard-save-ukraine/a-17511315> [доступ 05.09.2023].

силам Украины. Само появление добровольческих батальонов было выражением недоверия к власти и её олигархическим структурам. Владение оружием стало символом гарантии безопасности от коррумпированной власти.

Всеобщий доступ к оружию

Всеобщий доступ к оружию в Украине, введённый накануне полномасштабного российского вторжения, наверняка сохранится и после войны. Согласно опросу, проведённому через приложение «Дія»³³, 60 % граждан поддерживают такое решение³⁴. Вооружённой общественности, имеющей военный опыт, будет легче противостоять олигархизации государства или антисоциальной политике властей.

Каким будет украинское общество после победы в войне?

Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо сначала попытаться описать образ будущего украинского общества. На мой взгляд, оно будет таким:

- Критичное к европейской версии неолиберализма, представители которой ставят прибыль, в том числе от сотрудничества с Кремлём, выше права украинского народа на самоопределение.
- Критичное в отношении системных, экономических и социальных решений, которые оказались непрактичными или бесполезными перед лицом войны.
- Открытое к новым технологиям. Одним из примеров этого является уже проведённая цифровизация, которая была осуществлена в кратчайшие сроки в беспрецедентных масштабах, что позволило сократить вездесущую бюрократию.
- Осведомлённое о различных системных решениях, существующих в каждой стране, их эффективности в борьбе с кризисами (война, массовая миграция, эпидемии) и степени их уязвимости.
- Решительное в стремлении к деолигархизации страны.
- Вооружённое. Всеобщий доступ к оружию как гарант социальной внешней и внутренней безопасности.
- Осведомлённое об экономическом потенциале в мире: сельское хозяйство (например, зерновые, растительное масло), полезные ископаемые (литиевые ресурсы, играющие ключевую роль в высоких технологиях).

³³ Дія (Держава і я) — Державні послуги онлайн, <https://diia.gov.ua/>. Портал «Государство и я» и цифровое приложение Министерства цифровой трансформации Украины, предоставляющее государственные услуги в режиме онлайн для связи гражданин-государство.

³⁴ За вільну зброю виступає 58,75% українців – опитування в «Дії», Суспільне Новини, 01.06.2022, <https://suspilne.media/245619-za-vilnu-zbrou-vistupae-5875-ukrainciv-opituvanna-v-dii/>, [доступ 27.09.2023].

Общество, которое владеет оружием

Безусловно, неолиберализм будет одной из многих экономических концепций, предлагаемых украинским обществом и для него. Ему придётся столкнуться и с другими концепциями, в том числе социальными. Могут появиться и совершенно новые концепции. Противостоять политикам и представителям различных экономических моделей будет украинское общество, общество, у которого есть оружие.

Леон: Если взглянуть на войну в Украине, то среди левых в широком понимании, а также внутри самого анархического движения есть два лагеря. Один поддерживает тех, кто борется с российским вторжением, другой утверждает, что Украина – всего лишь пешка Запада и что в конфликте виновата экспансионистская политика НАТО. По окончании войны это разделение навсегда расколется анархическое движение на противоборствующие лагеря? Возможно ли дальнейшее сотрудничество после взаимных обвинений и конфликтов?

Александр Ланевский: Мы не знаем, каким будет будущее. Может случиться так, что Россия победит, и тогда у анархистов в условиях кризиса и репрессий не останется другого выбора, кроме как объединить усилия. Так было в 1920-1930-е годы в Советском Союзе, когда тактика движения сводилась к выживанию и поддержке заключённых и репрессированных товарищей. Однако мне хотелось бы верить в лучший сценарий.

Каким бы ни был исход этой войны, государства не исчезнут, и анархистам придётся продолжать действовать на различных внутренних фронтах, например, экономическом. Много сил уйдёт на восстановление разрушенной страны, появится много новых рабочих мест и тех, кто попытается нажиться на этом, как сейчас наживаются на войне. Ведь взяточничество и финансовые махинации среди чиновников, бизнесменов и даже военных и т.п. во время войны продолжают воевать. Поэтому, поддерживая борьбу с Россией, я осознаю, сколько ещё работы и борьбы предстоит в Украине против культуры обогащения и поклонения капитализму. Возможна и другая ситуация, если Украина победит, а Запад начнёт делать всё, чтобы максимально подчинить себе эту страну. Тогда сторонники пацифистских решений и «идеологической чистоты» скажут нам: «А мы разве не говорили?» Важно, чтобы они не только говорили, но делали. И работы будет много. Потребуется помощь и сотрудничество с западными инициативами, готовыми помогать Украине так же, как они это делают сейчас. Опытом, финансами, людьми. Я бы очень хотел избежать дальнейшего раскола и появления голосов типа: «О, нет, не пользуйтесь западной помощью! Не принимайте помощь от Запада, ведь западный капитализм хочет вас поработить...»

Ещё один момент. Раскол связан не только с вопросом отношения к войне. Есть и другие темы, скажем, идеологического характера или разделяющие движение из-за используемых тактик и средств. Не говоря уже о любимых движением личных конфликтах. Я боюсь, что конфликты будут пересекаться и накладываться друг на друга. Споры не избежать.

Отвечая на вопрос – объединять могут политическая практика и её специфические направления, например, экологическая деятельность. Мы уже знаем, как сильно страдает природа в Украине. Кажется, что общим мотивом будет и стремление к

укреплению местных сообществ, созданию сильных органов местного самоуправления и гражданских инициатив. Возможно, борьба за право на всеобщее владение оружием. Безусловно, различные политические силы будут выступать против культа Зеленского, усиления власти президента и его дискредитировавшей себя партии «Слуга народа», за которой до сих пор скрываются олигархи и пророссийские силы. Люстрация и привлечение к ответственности (в том числе радикальными методами) всех этих паразитов также может способствовать сотрудничеству.

Социальная плоскость. Националистические настроения будут расти – они уже растут. С этой тенденцией придётся бороться. Антифашизм может объединить и тех, и других. И речь идёт не только о борьбе с открытыми, вооружёнными, правыми боевиками, но и с завуалированными правыми. В будущем ветераны могут пополнить ряды охранных предприятий, которые, несомненно, будут легализованы после войны, а также ряды полиции и спецслужб. На данный момент вопрос о борьбе с правыми, по понятным причинам, заморожен. После войны ситуация, несомненно, изменится. Важно также работать над деконструкцией национализма, чтобы показать, что дальнейшая радикализация шовинистических и националистических настроений (прежде всего в отношении русских и беларусов) может привести к новым уровням эскалации. Возможно, я забегаю слишком далеко, но может статься, что и в области исторической политики анархистам придётся бороться за «доброе имя» в связи со следующей волной декоммунизации, тогда нам ещё смогут напомнить о Махно, 1 мая и т. д.

Другой аспект. Несмотря ни на что, анархическое движение придётся строить заново: после потери товарищей, после накопленного опыта войны. Будут необходимы съезды, чтобы подвести итоги войны и наметить дальнейшие направления и стратегии действий в новых послевоенных реалиях. В целом, как мне кажется, возникнет желание понять, в каком положении находится движение и как может осуществляться сотрудничество между его различными сегментами. Как это случилось перед лицом войны, когда различные инициативы объединились и организовали «Операцию Солидарность» (теперь «Коллективы Солидарности») и «Комитет Сопротивления».

Не будем забывать ещё об одном важном моменте. После или во время войны в регионе могут произойти дальнейшие социально-политические изменения, и тогда акценты и приоритеты анархистов из обоих лагерей могут измениться. Вспомним Первую мировую войну и 1917 год. В то время, несмотря на продолжающуюся войну, анархистам из бывшей Российской империи уже приходилось действовать в совершенно иных условиях. Возникали новые коалиции, а также новые расколы. Пётр Кропоткин, вместе с горсткой других либертарных активистов поддерживавший в то время участие анархистов в войне на стороне Антанты, был подвергнут ostracism абсолютным большинством анархического движения, за что получил злобные прозвища «анархо-патриот», «социал-шовинист», «анархо-милитарист», «правительственник» и «окопный анархист». Тем не менее, движение — хотя и никогда не забыло об этом — не отреклось от столь значительной и заслуженной для общего дела фигуры. Именно на этом фоне «князь анархии» поссорился, в частности, с Рудольфом Рокером, который считал участие анархистов в вооружённых конфликтах предательством идеалов. Несмотря на это, Кропоткин продолжал поддерживать

с ним дружеские отношения. В декабре 1914 года Рокер был арестован и находился в лагере до 1918 года. Кропоткин даже отправил ему в лагерь свою книгу. В одном из своих писем он также писал — и эти слова я хотел бы адресовать всем нам: «В сущности, это вопрос убеждения. Человек никогда не должен защищать своё дело, если он не вкладывает в него своё сердце. Эта ужасная катастрофа закончится, и тогда мы снова, как и прежде, будем вместе в великом деле человеческой свободы, которое является делом всех нас».

Леон: Анархисты, воюющие на Украине, обвиняются некоторыми анархистскими группами, в основном в Европе, в предательстве своих идеалов. Разве борьба в армейских структурах во время вооруженного конфликта противоречит идеям анархизма?

Spielverderber: Придерживаясь строго ортодоксальной теории, можно прийти к выводу, что просто жить в любом государстве – это предательство анархических идеалов. Если мы проанализируем нашу повседневную деятельность, то обнаружим, что большую часть времени мы работаем (на работе), платим (налоги) или обучаемся (индоктринируемся, реформатируемся) на благо государства, а оставшееся небольшое количество «свободного» времени тратим (или не тратим) на борьбу с ним, критику или деконструкцию. Сложив все это время, энергию и ресурсы вместе, мы придём к выводу, что большую их часть мы отдаем государству, а наш анархизм отодвигаем в область «свободного» времени, где ему приходится конкурировать с развлечениями, досугом и социальной жизнью. И всё это в богатой, безопасной и привилегированной части мира, в мирное время. В этих комфортных тепличных условиях западноевропейский анархизм застыл, перестал развиваться и расширять пространство свободы.

Остаётся спросить, не является ли это предательством анархических идеалов? Не является ли предательством стагнация, маразм, отсутствие создания низовых институтов, способных заменить, искоренить государство из очередных сфер жизни? Стоит поставить вопрос: является ли предательством анархических идеалов отсутствие подготовки к революции, постановки долгосрочных и краткосрочных целей для её приближения?

Война — это факт, а не теоретическая абстрактная конструкция, поэтому она безжалостно обнажила и подчеркнула слабость либертарной среды, её неготовность к долгосрочным, последовательным действиям в нестабильной ситуации и показала, что мы не создали ни материальной, ни даже теоретической альтернативы государственному насилию. Если в прошлом война рассматривалась как возможность для революции в условиях ослабления государств, то современная война показала, что никто всерьёз не думает о такой революции.

Многим нашим товарищам по анархизму предстояло со дня на день столкнуться с жестоким фактом войны. Они не влияли на выбор времени, формы, места и характера войны, поскольку не они были её архитекторами, и у них не было комфорта и времени, чтобы теоретизировать на тему «Не лучше ли было бы, если бы эта война была более революционной и менее национальной?» Факт войны, спланированной и осуществлённой Владимиром Путиным, сделал борьбу необходимостью, а не выбором.

Они не ждали этой войны с энтузиазмом, она обрушилась на них неожиданно, лишив комфорта планирования и ограничив возможности выбора. Я знаю, что очень часто решение о вооружённой борьбе в структурах армии принималось в силу сложившейся ситуации, а не по чьему-то желанию, но ни в коем случае я не взялся бы судить о позиции людей, действующих в условиях, с которыми я никогда не сталкивался. Я считаю, что в сложившейся ситуации мы, анархисты, должны приложить все усилия, чтобы наши товарищи-анархисты, воюющие с рашистами, получили всю необходимую помощь, чтобы они могли вернуться с этой войны целыми и невредимыми, чтобы они могли сами рассказать нам о своём опыте, моральных дилеммах и мотивах.

Борьба в структуре армии, конечно, противоречит анархическим идеям, но какую жизнеспособную альтернативу такой позиции предлагают идеологически чистые критики? Делать заявления, что от войны мы отписываемся, ждать и делать вид, что ничего не происходит, или ждать «нашей настоящей революционной войны, которая должна происходить на досуге и не вмешиваться в сферу долга и отдыха»?

Часть III

О «неанархичности» украинского антиавторитарного движения

Время от времени в интернете можно встретить голоса, рассуждающие о неправильном выборе украинских анархистов, которые якобы «поддерживают» войну, НАТО и национализм. Это довольно популярная на Западе тенденция, которая, однако, идёт вразрез с реальностью. Я попытаюсь развеять некоторые из наиболее популярных мифов об украинском антиавторитарном и анархическом движении.

Российские анархисты призывают к дезертирству — украинские анархисты вступают в армию.

Прежде всего, подавляющее большинство российских анархистов: как внутри России, так и за рубежом выступили в поддержку украинского народа. Немногочисленные, маргинальные, диванные анархисты призывают к дезертирству через... заявления в интернете (!). Сколько солдат российской армии сагитировано этими теоретиками? Стоят ли они каждый день у казарм и раздают листовки? Может быть, они произносят пламенные антивоенные речи на передовой, после которых сотни людей бросают оружие или направляют штыки против политиков и капиталистов? Что-то подсказывает мне, что они увязли в исторических несбыточных мечтах начала XX века и потеряли связь с реальностью. А реальность такова, что они должны не распространять свои фантазии на малоизвестных сайтах, а вести активную борьбу с Кремлём внутри России. Только кто ж этим будет заниматься? Большинство уехало и участвует в оказании помощи Украине. Те, кто остался, теоретизируют и занимают удобные позиции. Пусть они агитируют за дезертирство россиян. Только что случилось бы, если бы волна дезертирства захлестнула украинские вооружённые силы? Страна была бы оккупирована путинским режимом. Это ни в коем случае не означает, что мы поддерживаем принудительный призыв и что в Украине нет дезертиров. Они есть, и это их право, которое мы уважаем. Однако большинство украинцев воюет сознательно. Перефразируя это высказывание: российские анархисты занимаются онанизмом, украинские анархисты защищают свои жизни, жизни своих близких и свои дома.

Российские анархисты борются против своего государства, проводя диверсионные акции без жертв. Украинские анархисты воюют не против своего государства, а от его имени, убивая людей, насильно призванных в российскую армию.

Те добросовестные российские анархисты, которые осуществляют прямые действия на территории России, идеологически и организационно связаны с украинскими и белорусскими анархистами. Те, кто делает подобные заявления, либо мало знакомы с российским анархическим движением, либо не знают его вовсе. Самая известная на сегодняшний день подпольная группа — Боевая организация анархо-коммунистов (БОАК) — имела в рядах украинской армии одного из самых видных современных анархистов в БУРе (Беларусь-Украина-Россия). Я имею в виду российского анархиста Дмитрия Петрова, который пал под Бахмутом 19 апреля 2023 года. И украинские товарищи, сражающиеся против российской армии на фронте, и рос-

сийские товарищи, подрывающие рельсы – звенья одной цепи. А те, кто на фронте, убивают не «людей, насильно призванных в армию», а оккупантов, которые пытаются, убивают, насилуют и уничтожают. У каждого российского «солдата» есть выбор: он может уклониться от армии, сбежать, сесть в тюрьму, но он добровольно выбирает убивать украинцев. Я указал слово солдат в кавычках, потому что на российской стороне фронта много дегенератов из группы «Вагнер» или наёмников из стран Центральной Азии, воюющих за деньги или обещание получить российское гражданство. Украинские анархисты в течение последних десяти лет активно выступали как против украинского государства, так и против националистов. Помимо своей экологической, профсоюзной и образовательной деятельности, они инициировали, в частности, антивоенные акции. Они принимали активное участие в Евромайдане, организовывали ряд акций прямого действия, иногда экспроприации (особенно в Киеве), тренировались, учились пользоваться оружием... Но, конечно, об этом ничего не известно западным (и польским) анархистам, потому что они предпочитают читать заявления в Интернете и время от времени выходить на демонстрации, которые не нарушают статус-кво.

Российские анархисты участвуют в мирных протестах и акциях против войны, украинские анархисты в основном поддерживают войну.

Я не знаю ни одного украинского анархиста или группы, которые поддерживают войну. Они поддерживают решительную борьбу против оккупации и империализма. Украинские анархисты выступают за субъектность украинского общества, в чём украинцам и украинкам отказывают как западные левые, так и путинская Россия. Украинские анархисты хотят как можно скорее закончить эту войну, но те российские анархисты (я только не понимаю, кто и где?), которые участвуют в мирных протестах, борются с ветряными мельницами – плакатами и заявлениями Кремль не остановишь. Только силой, причём военной силой. Скорее, войну поддерживают эти «мирные» демонстранты потому, что они откладывают её окончание. Если Украина отдаст часть своей территории, то это лишь вопрос времени, когда Москва доберётся до новых территорий. Кроме того, в ситуации тотального запугивания россиян и жёстких репрессий, которым люди подвергаются даже за посты в социальных сетях, стоит обратить внимание на конкретные, а не символические действия. Как блестяще сказали анархисты «БОАК», сейчас невозможно действовать легально и открыто, но нельзя ничего не делать. А поскольку есть риск оказаться за решёткой даже за пост, они предпочитают более рискованные, но эффективные действия.

Российские анархисты указывают верное направление, но украинские анархисты предпочитают искать соратников среди украинских националистов и армии, спонсируемой НАТО.

О каких российских анархистах идёт речь? Правильное направление – БОАК, один из основателей которого воевал на стороне Украины. Я также не знаю ни одного белорусского анархиста, который бы считал позором для анархиста воевать в рядах ВСУ. То, что кто-то воюет рядом с националистами, не делает его националистом. Это легко комментировать в интернете, вдали от падающих пуль и горящих городов. На самом деле у украинских анархистов не было (и нет) другого выбора, кроме как действовать решительно, иначе они просто погибнут и потеряют собственный авторитет как люди, которые всегда на стороне угнетённых. Если Россия победит, на

оккупированных территориях начнутся немыслимые ранее репрессии. Анархисты, пытаясь не допустить этого, поддерживают не Зеленского, не НАТО, а украинский народ. Они защищают право украинцев на геополитический выбор и не бросают бомбы в мирных жителей. Нужно быть слепым, чтобы повторять как мантру (следуя, кстати, российской пропаганде) миф о всеохватывающем украинском национализме. Именно Кремль является генератором шовинизма под знаменем империи, поэтому настоящие антифашисты – это анархисты, борющиеся против России.

Александр Ланевский

В Империи царит порядок

Из информации, предоставленной, в частности, порталом «Медуза», взятой из утечки российского отчёта государственного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) об отношении российского населения к войне, мы можем узнать, в частности, что около 50% респондентов в возрасте 18-34 лет считают, что война с Украиной должна быть прекращена. Из других источников мы можем узнать, что 70 % респондентов «не хотят идти в окопы»³⁵

Перерастают ли антивоенные настроения в антиправительственные? Можно ли это проверить?

В настоящее время из-за продолжающейся войны проведение такого рода глубоких исследований затруднено, а их результаты трудно признать достоверными. В независимых опросах общественного мнения повторяется картина, когда до 90 % респондентов отказываются отвечать на вопросы анкеты. Это означает невозможность получения достоверных результатов хотя бы из-за небольшой выборки. Последние опросы, которые можно назвать достоверными, датируются несколькими годами до начала полномасштабной войны. В них преобладают установки, согласно которым молодое российское поколение позиционирует себя как аполитичное и прагматичное одновременно. Наиболее важными целями в жизни названы: личное благополучие, безопасность и высокая зарплата. Работа на государственной службе (в государственном аппарате) и в государственных корпорациях («Газпром», «Роснефть») рассматривается молодёжью как исполнение профессиональной мечты. Успех в профессиональной жизни они связывают с необходимостью быть аполитичным. При таком отношении наличие политических взглядов, какими бы они ни были, представляется препятствием для карьеры. Взгляды отличные от правительственных определяют кандидата как «потенциального оппозиционера», а взгляды, совпадающие с правительственными, как «потенциального конкурента» в профессиональной иерархии.

Есть ли в поколении молодых россиян реальный социальный потенциал, позволяющий путём давления на власть заставить её прекратить войну? Всё зависит от

³⁵ OSW – Центр восточных исследований, Что российские миллениалы думают о войне и политике, сентябрь 2022, SPOTIFY, <https://open.spotify.com/episode/1xVCMVdJLXuF8iZnM4dsz> [доступ 05.01.2023].

того, сколько сторонников её окончания одновременно разделяют позицию аполитичных прагматиков. Имеющиеся исследования показывают, что между этими двумя установками существует достаточно высокая корреляция. Представители этого поколения также заявляют о готовности отказаться от своих взглядов в пользу профессионального роста (госаппарат, госкорпорации).

По данным независимых опросов, 50% молодых людей выступают за прекращение войны, но на каких условиях — неясно. За участие в войне выступают 20-50% (по данным Кремля — 70%), из них 23% заявляют о готовности принять в ней участие. Из приведённых данных трудно сделать вывод о том, что позиция тех, кто выступает за прекращение войны, связана с антиправительственными или пацифистскими настроениями.

Аполитичность российского общества неуклонно росла с 1990-х годов и сейчас достигла своего апогея. Политическая активность мало кого интересует, в то же время высок интерес к работе в учреждениях и корпорациях, тесно связанных с властью. На протяжении многих лет среди российского населения преобладал аполитичный прагматизм, что подтверждается как независимыми, так и государственными данными центров опросов общественного мнения. Однако я допускаю возможность того, что и государственные, и независимые опросы по разным причинам не могут считаться надёжными, независимо от намерений самих исследователей. Хотя бы из-за уже упомянутой слишком маленькой выборки. В таком случае предположим, что среди молодого российского поколения антивоенные настроения высоки, не продиктованы прагматизмом и, кроме того, сильно коррелируют с антиправительственными установками. Вопрос в том, где искать эти установки?

Алексей I – оппозиционер Российской империи

Есть ли социальный потенциал у участников акций протеста, собранных Алексеем Навальным, чтобы заставить власти прекратить войну? Националист и юрист, как представляет себя Навальный, он выступает за ограничение притока в Россию культурно чуждых кавказцев и выходцев из Средней Азии. Первых он называет «тараканами», а грузин — «грызунами». Он утверждает, что хочет защитить «неславян» от ксенофобии российских радикалов — своего рода подмигивание европейским либералам. Он оспаривает империализм Путина, заявляя в то же время: «Крым наш»,

«беларусы и украинцы — русские».³⁶ Поддержка Навального достигла, по разным данным, от 20 до 30% потенциальных избирателей.³⁷

Надежды на быструю антиавторитарную трансформацию российского общества, увиденную Западом в антикоррупционных протестах, организованных Навальным до и после заключения в колонию, скорее тревожат, чем обнадеживают. Ксенофобский национализм Навального уже сейчас приемлем, при условии обещаний возврата к экономическому сотрудничеству с Западной Европой.

Критической точкой для российского общества стал переход государства из режима авторитаризма в режим тоталитаризма. Самым заметным симптомом этого стало объявление всеобщей мобилизации, вызвавшей массовые протесты. Более слабые и мирные, чем белорусские протесты 2020 года, антивоенные протесты, независимо от различных мотивов их участников, не прорвали стены Кремля.

Ни оппозиционеры Навального, ни антивоенные протесты, ни аполитичная часть общества с её оппортунизмом не представляют угрозы для политики Кремля. Более вероятным представляется внутренний конфликт между структурами и силами власти.

Третий путь двух Других России

Среди российской «демократической оппозиции» в изгнании также стоит упомянуть две инициативы: Форум свободной России (ФСР), связанный с Гарри Каспаровым и Михаилом Ходорковским, который проводит конференции в Вильнюсе (Литва), и Съезд народных депутатов России (СНДР), первый съезд которого прошел в Яблонне (Польша) по инициативе Ильи Пономарева.

³⁶ Ссылки на высказывания Навального: Навальный, LIVEJOURNAL, 08.08.2008, <https://navalny.livejournal.com/274456.html>; Навальный, Хочу сказать о Михаиле Саакашвили,

INSTAGRAM, 13.04.2023, <https://www.instagram.com/p/Cq-tKiRtSn8/>; Бизнес онлайн, Алексей Навальный о «чучмеках» и строительстве мечетей в Москве, YOUTUBE, 09.03.2017, <https://www.youtube.com/watch?v=XbMwSIbhBvE>; Политота, Навальный за легализацию оружия, YOUTUBE, 12.04.2011, <https://www.youtube.com/watch?v=Q8ILxqIEEMg>; YOUTUBE, 09.03.2017, <https://www.youtube.com/watch?v=zj4qZdxAons>; Телеканал Дождь, Навальный о своей позиции по Крыму, YOUTUBE, 09.06.2017, <https://www.youtube.com/watch?v=ildXpDzg0PA>; Д. Аксельрод, Российский оппозиционер Алексей Навальный о Крыме: «Не бутерброд», «нерешаемая проблема» и «все будут страдать», КРЫМ.РЕАЛИИ, 03.02.2021, <https://ru.krymr.com/a/31051185.html>; V_n_zb, Навальный о белорусском языке: Будто письменность придумали хачики с падонками, LIVEJOURNAL, 15.09.2013, <https://v-n-zb.livejournal.com/6191498.html>, а также изменение позиции Навального относительно принадлежности Крыма и Донбасса к Украине: А. Навальный, 15 пунктов гражданина России, желающего блага своей стране, НАВАЛЬНЫЙ, 20.02.2023, <https://navalny.com/p/6634/>, [доступ по всем ссылкам 28.09.2023]. Следует отметить, что как прежние, так и нынешние позиции по границам Украины признаются Навальным в зависимости от политической ситуации.

³⁷ См. «Левада-центр»: В Россияне выказали максимальный уровень неодобрения Алексея Навального, ВОТ ТАК, 09.07.2023, <https://vot-tak.tv/novosti/09-07-2021-rejting-navalnogo>, [доступ 28.09.2023]; Отношение к Алексею Навальному, ЛЕВАДА-ЦЕНТР, 09.07.2021, <https://www.levada.ru/2021/07/09/otnoshenie-k-alekseyu-navalnomu/>, [доступ 28.09.2023].

Первый съезд народных депутатов России (СНДР) в Яблонне, по сообщениям СМИ, «попытался создать российское правительство в изгнании». Лидером был объявлен Илья Пономарёв, политик партии «Справедливая Россия» и основатель «Левого фронта», в который входит «Авангард красной молодежи», с которым они совместно формируют антипутинское политическое движение «Другая Россия». Пономарёв прославился тем, что голосовал против аннексии Крыма, ссылаясь на излишнюю поспешность в действиях.

Форум свободной России был созван Гарри Каспаровым, основателем «Объединённого гражданского фронта» — партии, которая называет себя «демократической и оппозиционной». Каспаров является одним из двух лидеров антипутинского политического движения «Другая Россия», созданного совместно с Эдуардом Лимоновым, председателем Национал-большевистской партии. Михаил Ходорковский, в 2004 году самый богатый человек в России, и Илья Пономарёв, создавший конкурента (СНДР), также участвовали в ФСР. Охарактеризованная как антипутинская (и, следовательно, антиправительственная), «демократическая» оппозиция в изгнании также объединена симпатиями к национал-большевизму в рамках «Другой России»³⁸.

Где российские анархисты?

Голоса анархической среды в России не совпадают, особенно по вопросу об отношении к войне. В целом, мы можем найти российских анархистов и в партизанских отрядах, подрывающих эшелоны с обеспечением для российской армии, и среди добровольцев украинской армии, и среди диверсантов, поджигающих российские призывные пункты. Ответом на вопрос, где российские анархисты, будет: «Они сражаются на фронте против Российской империи». Существуют также круги, которые Анатолий Дубовик, украинский анархист и историк, назвал анархо-путинистами. Однако в них трудно найти антиправительственный потенциал.

Сумерки империи

Искать потенциал для свержения Российской империи только в российском обществе мне кажется ошибочным. Амбиции Навального, Пономарёва, Каспарова и Ходорковского намного больше, чем их потенциал. Действительно ли их правительства сильно отличались бы от путинского?

Существуют идентичности свободных наций, а также антиавторитарные идентичности, анархистская идентичность. Возможно, пора сделать стремление к свержению крупнейшего государства в мире универсальным требованием анархистов.

Анджей Клись

³⁸ Коалиция «Другая Россия» действовала с 2006 по 2010 год и включала в себя следующие группы: Национал-большевистская партия (НБП), «Российский народно-демократический союз» бывшего премьер-министра Михаила Касьянова, «Объединённый гражданский фронт» Гарри Каспарова, «Республиканская партия России» Владимира Рыжкова и «Авангард красной молодёжи». В настоящее время под этим названием действует Национал-большевистская партия «Другая Россия» Э.В. Лимонова. Э. В. Лимонов умер в 2020 году.

Солидарность не должна быть пустым звуком

Солидарность, интернационализм – эти слова являются лозунгами, пожалуй, любого левого или анархического движения. К сожалению, как часто оказывается, они также могут ничего не значить на практике. В тексте я ссылаюсь на так называемых западных левых, но это очень неточный термин, который касается, скорее, левых за пределами Восточной Европы или бывшего Восточного блока.

В наших кругах практически нет проблем с отсутствием осуждения западного империализма: США, Великобритания, Франция, Израиль, войны в Ираке и Афганистане, нападения Турции на Рожаву – всё это встречало наше сопротивление и протест. К сожалению, в то же время некоторые империалистические державы по каким-то причинам получают льготный тариф на свои действия. Это особенно характерно для западных левых. Не так уж часто мы слышим критику Китая или России с их стороны, и уж слишком часто они действуют по принципу «Америка плохая, значит, её противники хорошие». Мы наблюдаем это явление в полном объеме с 24 февраля 2022 года, когда Россия начала полномасштабное вторжение в Украину. Впрочем, любой, кто внимательно следит за левыми, заметил бы это и раньше – российские вторжения и военные преступления в Чечне, Грузии, открытая поддержка диктатур в Беларуси и Казахстане – всё это обычно не вызывало особого возмущения на Западе. Столь же редко можно услышать нападки на политику экспансии и экономический империализм Китая, подавление протестов в Гонконге или жестокое преследование уйгуров.

Если в 2014 году, после Майдана и захвата Крыма, когда начались бои на украинском Донбассе, ситуация казалась запутанной и неясной, то с момента начала полномасштабной войны прошло восемь лет, и у нас было достаточно времени, чтобы вникнуть, разобраться в этом конфликте и понять, что это очередной агрессивный шаг российского империализма. Однако кто-то до сих пор не сделал свою домашнюю работу.

Когда в феврале на Украину начали падать российские бомбы и ракеты, в мировом левом и анархическом движении возникли три основные позиции:

1. Полная солидарность и погружение с головой в оказание помощи. Здесь команды из бывшего Восточного блока с самого начала были в авангарде, вероятно, потому, что в силу прошлой и недавней истории природа российского империализма здесь гораздо яснее и понятнее. Безусловно, непосредственное соседство с Украиной также сыграло свою роль, но нельзя не отметить, что мощную поддержку оказало и немецкое анархическое и антифашистское движение, а также другие регионы мира. Многие люди занимались гуманитарной помощью людям, бежавшим от войны. Многие также брали в руки оружие или отправлялись на фронт в качестве медицинского персонала. Очень быстро были созданы сети материально-технической поддержки сражающихся, потому что – особенно вначале – не хватало всего: бронежилетов, касок, снаряжения. Со временем к этому добавились беспилотники, автомобили и различное специализированное оборудование, организация учебных курсов по военной медицине и т.д. Отдельным аспектом здесь было участие в противодействии российским

пропагандистским нарративам в социальных сетях, распространение информации, написание статей, то есть тяжёлая и напряжённая пропагандистская работа, которая, как оказалось, более чем необходима.

2. Позиция неучастия или выжидания. К этой категории относятся, например, сторонники лозунга «Никакой войны, кроме классовой», который, к сожалению, из революционного лозунга против империалистических войн превратился в левацкий эквивалент «Мы молимся за вас». К сожалению, очень популярной стала фраза: «Я на стороне народа, это борьба правительств», — после чего следует полное игнорирование того, что говорят сами эти люди и какой поддержки они просят. Часто ставится знак равенства между империалистической Россией и атакованной Украиной, игнорируется голос украинских левых или анархистов.
3. Пророссийская позиция. Здесь мы имеем разные степени этого подхода. Типичным является: «Я не поддерживаю Путина, но...», — после чего следует поток оправданий для России, объясняющий, почему Путин «должен был» напасть на Украину и почему во всём виноват Запад. В самом крайнем случае мы имеем дело с тотальными олухами в стиле всевозможных поклонников коммунистического тоталитаризма. Здесь особенно выделяются испанские, баскские и итальянские коммунисты, которые с 2014 года распространяют пропагандистские сказки об «антифашистских республиках» и которые даже воевали или продолжают воевать на стороне России.

О солидарности и помощи с нашей стороны уже написано достаточно много, поэтому я не буду углубляться в эту тему. Здесь я сосредоточусь на том, чтобы высказать свое мнение о тех, кто входит в вариант № 2, а также в вариант № 3 — полезных идиотах Кремля, открыто поддерживающих российский империализм.

Уже какое-то время некоторые из нас всё больше осознают масштабы российской пропаганды и её способность сбивать с толку даже очень умных людей. Russia Today, Sputnik или позиционирующий себя как «левый» Redfish (теперь «Red.»)³⁹ очень успешно внедрили кремлевские нарративы на Западе (это даже частично удалось в странах бывшего Восточного блока). Люди, живущие в западных странах, в так называемом «имперском ядре», смотрят эти программы и видят, что в них без цензуры показывают протесты, бунты, забастовки, социальные беспорядки, но.... только те, что происходят на Западе. Со временем, видя, что эти СМИ показывают картину окружающей действительности, близкую к истине, люди начинают всё более не критично относиться к сообщениям из других частей света. Там, тем временем, у нас есть «нацистская Украина», спонсируемый США «переворот» на Майдане и законные опасения России, которая просто вынуждена защищаться. Речь не идёт о том, чтобы люди купились на такую пропаганду целиком. Достаточно посеять сомнения, чтобы люди безостановочно задавали себе вопросы всякий раз, когда слышат что-либо об Украине. Речь идёт о создании путаницы, а необязательно об упрощённой версии правды. И с этой задачей пропаганда справлялась хорошо, по

³⁹ Red., <https://thered.stream/>, [доступ 24.03.2023].

крайней мере, до недавнего времени. Сидя вдали от падающих бомб и ракет, западные левые часто с удивительным высокомерием объясняют людям, подвергающимся нападениям в Украине, или их соседям, как поставки оружия «затягивают войну» или как все солдаты должны повернуть оружие против своих офицеров. При этом они совершенно не учитывают ни реалии этой войны (часто совершенно ошибочно сравнивая её с борьбой сверхдержав в Первой мировой войне), ни тот факт, что практически всё украинское общество по тем или иным причинам хочет бороться с российским империализмом. Они говорят о солидарности с украинским обществом, но все предлагаемые ими решения — это пустые лозунги и какие-то туманные фантазии. Они также игнорируют практически всё восточноевропейское анархическое движение (включая российское), которое решительно выступает за вооружённое сопротивление и многие активисты и активистки которого сражаются на передовой.

Всё это превращает декларируемую ими солидарность в фактически бессмысленные слова, в пустую болтовню. Некоторые идут ещё дальше и, преисполнившись просветления, посвящают время и энергию написанию пространных статей и нападениям на тех анархистов или левых, которые либо борются с российским вторжением с оружием в руках, либо поддерживают эту борьбу. Такие диванные инициативы, как antimilitarismus.org, получают непропорционально большое освещение для своего размера, потому что они говорят то, что хочет услышать часть западных левых и анархистов. После прочтения их аргументов и разговоров становится совершенно ясно, что украинское сопротивление для них просто неудобно. Они бы предпочли, чтобы Украина быстро проиграла и оказалась под российской оккупацией или под властью их марионеток. Может быть, иногда они будут возмущаться убийствами, пытками, фильтрационными лагерями, может быть, даже напишут об этом статью. Но пока что Украина продолжает воевать, следовательно, нарушает их комфорт. К сожалению, такие взгляды есть не только на Западе, они имеют место и в Польше, причём среди «видных» анархических активистов и коллективов. Самое страшное во всём этом то, что война в конце концов закончится, а часть анархического движения, на мой взгляд, так и не поднимется из политического небытия, в которое они себя загоняют подобным отношением.

Наконец, есть и третья группа, хотя здесь особо говорить не о чем. Приспешники Кремля в лице поклонников разного рода тоталитаризма под знаком серпа и молота, восторгающиеся «народными республиками» и горячо верящие в «денацификацию» Украины, заслуживают только нашего презрения и враждебности. И будем надеяться, что это раз и навсегда покончит с фантазией о «левом единстве». И навсегда вычеркнет этих людей из нашего пространства.

Мы, со своей стороны, своими ежедневными действиями стараемся показать, что солидарность и интернационализм для нас не пустые слова. Что антиимпериализм означает противостояние любому империализму, а не только западному. И что, несмотря на сложную ситуацию и постоянно меняющиеся вызовы, мы готовы противостоять им, а не уходить в философские башни из слоновой кости.

Нестор Махновский

О причинах движения, неподвижности и мнимых движений

Изучая чужую точку зрения, я расширял свою собственную. Реакция польской анархической среды на войну в Украине кажется мне мало позитивной. Отсутствие дискуссий, отсутствие глубокого анализа этой войны, дистанцирование, аполитичность, инфантильно-пацифистские настроения, симметричность, сходство с моделями западных левых – всё это не внушало оптимизма. Возможно, потому, что эти голоса были сформулированы первыми. В то же время гораздо больше людей, чем я думал изначально, активно участвует в борьбе против Российской империи. Это придаёт оптимизма. Однако я всё ещё пытаюсь понять позицию тех людей, которых оскорбляет вид анархистов, ведущих вооружённую борьбу против самого большого государства в мире.

Биологическая перспектива

С биологической точки зрения существует три основных защитных механизма, которые млекопитающие используют при угрозе. Притворство мёртвым (которое обычно сопровождается обмороком, дефекацией и мочеиспусканием), бегство и нападение-оборона. Существует также, характерный, пожалуй, только для человека, приём убеждения. Это может быть блеф, игра на время, попытка отвлечь внимание, прежде чем центр принятия решений в мозгу даст сигнал: умереть-бежать-напасть. Я полагаю, что убеждение в конце должно убедить противника в бесполезности его атаки. Оно неприменимо, когда атака уже произошла.

Применяя биологическую перспективу не только к индивидууму, но и к группе – анархической среде – я вижу как механизмы нападения-защиты, проявляющиеся в решительной поддержке атакованной Украины, так и те, с которыми я глубоко не согласен, то есть призывы к убеждению, и это спустя более года после начала полномасштабной войны – истребления мирного населения, систематических убийств, изнасилований, похищений детей и мародёрства.

Социальная перспектива

Когда человек внезапно оказывается в непредвиденных для него обстоятельствах, происходит столкновение реальностью с её воображением. Это воображение, защищённое в своем собственном «пузыре мнений», блокирует критичность и внутреннюю дискуссию. Не возникает ни направленного действия, ни даже реалистичной концепции этого действия. Отсутствие действий и непонимание происходящих в данный момент явлений, которые для этого человека были непредсказуемы, кажутся естественной реакцией при условии, что они временные. Иначе обстоит дело после более чем года полномасштабной войны. Эта ситуация должна вызывать у человека ужас (не страх) и чувство беспомощности, которые выливаются в поиск поддержки, в тоску по понятному, предсказуемому миру, в котором у человека есть ощущение агентности (влияния на окружающую действительность). Эти процессы, наблюдае-

мые в анархической среде, в своей тоске по утраченному статус-кво напоминают реакционизм⁴⁰.

Резюмируя: это утрата способности понимать субъективную реальность. «Пузырь мнений» превращается в «пузырь запутанной субъективности», что разжигает тоску по старому понятному миру. Это также симптом определённой социальной незрелости, который можно наблюдать не только у отдельных людей, но и, как коллективное явление, у целых социальных групп. Вышеупомянутое чувство отсутствия агентности и непонимания текущих явлений у некоторых индивидов проходит, позволяя эффективно, творчески действовать и отказаться от объекта тоски — утраченного статус-кво.

В то же время я надеюсь, что, подобно тому, как подавляющее большинство польского общества активно и творчески участвует в акциях в поддержку украинских беженцев и постоянно поддерживает тех, кто борется с российским агрессором, такой же процент (местных) анархистов работает на украинское дело.

Если сторонники инфантильного пацифизма или убеждения агрессора не увидят вовремя свою бесполезность, их единственным шансом на выживание может остаться притворство трупом с рукой в луже для придания убедительности своей мёртвости. Если, конечно, не станет слишком поздно притворяться.

Анджей Клись

⁴⁰ Понимается в разговорном смысле, как реакция на внезапные перемены, и без коннотаций анархо-консерватизма или анархо-капитализма.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Свобода или смерть
Война в Украине и кризис беженцев
Июнь 2025

Скопировано 30 октября 2025 с Промня.
Перевод с польского: Wolność albo śmierć. Wojna w Ukrainie i kryzys uchodźczy. Głos
anarchistów z kolektywów. ACK Galicja oraz Przyjaciele Ukrainy i Bat'ki Machny

ru.anarchistlibraries.net